

КИШИНЕВСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

15—30-го апрѣля № 8. 1883-го года.

ОТДѢЛЪ ОФИЦІАЛЬНЫЙ

ОПРЕДѢЛЕНІЕ СВЯТѢЙШАГО СИНОДА.

Отъ 17 марта—5 апрѣля 1883 года, за № 523, о подтвержденіи по духовному вѣдомству распоряженія Св. Синода о томъ, чтобы слово въ недѣлю о слѣпомъ было произносимо непременно всльдъ за чтеніемъ св. Евангелія.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложеніе г. синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 3-го марта 1883 года, за № 952, по ходатайству предсѣдателя совѣта Маріинскаго попечительства для призрѣнія слѣпыхъ о подтвержденіи, чтобы установленное опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода

слово въ недѣлю о слѣпомъ священнослужители произносили вслѣдъ за чтеніемъ свят. Евангелія и, по справкѣ, приказали: согласно ходатайству председателя совѣта Маріинскаго попечительства для призрѣнія слѣпыхъ подтвердить по духовному вѣдомству, чтобы установленное опредѣленіями Святѣйшаго Синода 26 марта—7 апрѣля 1881 года и 29 января—4 марта 1882 года (Церковный Вѣстникъ тѣхъ годовъ, №№ 16 и 11) слово въ недѣлю о слѣпомъ священнослужители произносили непременно вслѣдъ за чтеніемъ св. Евангелія, о чемъ для объявленія къ исполненію и напечатать въ журналѣ «Церковный Вѣстникъ».

15-30-то апрѣля № 8 : 8 : 1883-то года

ОТДѢЛЪ ОФФІЦІАЛЬНЫМЪ

ОПРЕДѢЛЕНІЕ СВЯТѢЙШАГО СИНОДА

17 марта—5 апрѣля 1883 года, въ № 23, о пово-
тореніи по духовному вѣдомству распорядка въ
Синода о томъ, чтобы слово въ недѣлю о слѣпомъ было
произнесено непременно вслѣдъ за чтеніемъ св. Еван-

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій
Правительствующій Синодъ сдѣлалъ предложепіе къ сино-
дальному Оберъ-Прокурору, отъ 3-го марта 1883 года, въ
№ 23, по ходатайству председателя совѣта Маріинскаго
попечительства для призрѣнія слѣпыхъ и подтвержденію
этого установленнаго предѣла.

Публичная
Библиотека
им. В. И. Ленина
ИЧЗЛ-49

КИШИНЕВСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

15—30 апрѣля № 8, 1883-го года.

ОТДѢЛЪ НЕОФИЦІАЛЬНЫЙ

С Л О В О *)

ВЪ ВЕЛИКІЙ ПЯТОКЪ.

Нынѣ, по гласу св. церкви, собрались мы, возлюб. братіе, въ сіе священное мѣсто для того, чтобы созерцать безконечную къ намъ любовь Божию, чтобы переживать дѣло спасенія нашего, совершенное на голгоѣ Единороднымъ Сыномъ Божиимъ, переживать великій и единственный въ мірѣ день, день закланія Агнца Божія, взяшаго на Себя грѣхи всего міра. Станемъ же духомъ у подножія

*) Извлеченіе изъ книги: «Иисусъ Христосъ на Голгоѣ, или семь словъ Его на крестѣ».

треблаженнаго древа, на Немъ же распяся Христось — Царь и Господь. Взглянемъ мысленно на Его безмѣрное за насъ на крестѣ истощаніе, на вѣнчанную терніемъ главу Его, на прободенныя руки и ноги, на отверзстое копіемъ любвеобильное сердце Его. Не отзовется ли наше сердце подобающею къ Нему любовію, не научится ли и умъ нашъ страху Господню изъ предсмертныхъ рѣчей Спасителя нашего?!

1. По объявленіи надъ Господомъ нашимъ незаконными судіями смертнаго приговора, исполнители казни привели Его на Голгоѳу и начали заниматься приготовленіемъ всего, что нужно было къ распятію Господа. Одни изъ нихъ на самой вершинѣ Голгоѳскаго утеса рыли яму для водруженія креста, а другіе готовили самый крестъ. Приготовлена была и надпись вины Спасителя. Надпись сія гласила слѣдующее: Иисусъ Назарянинъ Царь Іудейскій. Такимъ образомъ надпись на крестѣ была не только символомъ совершеннѣйшей невинности и царскаго величія Богочеловѣка, но еще выраженіемъ внутренней досады Пилатовой и тайной мести его противъ Іудеевъ, вовлекшихъ его въ столь несправедливое дѣло. По приготовленіи креста, взяли Христа Спасителя, возложили на крестъ и распяли Его.... Какъ растянуты были руки и ноги, раскрыты ладони, приставлены гвозди къ рукамъ и ногамъ, нанесенъ и опущенъ молотъ, сколько сдѣлано ударовъ, какъ брызнула кровь и, при стукѣ молотовъ испустилъ ли какой либо стонъ Сынъ Человѣческій, — какъ все это было — молчить и евангеліе и преданіе. Само собою разумѣется, что теперь надобно поднять крестъ. Но съ перваго же взгляда очевидно и то, что тѣло, прибитое ко кресту, при поднятіи его въ прямое положеніе, естественно должно подвергнуться лютымъ и ужаснымъ страданіямъ. Гвоздинныя язвы долж-

ны теперь расширяться все болѣе и болѣе, съ жгучею, невыразимою болью; должна открыться кровь и течь первоначально струями, доколѣ не истощится наконецъ — капля по каплѣ. Но едвали не первое изъ невыразимыхъ страданій у распятаго—первое опущеніе Его со крестомъ въ назначенную яму. Крестъ долженъ естественно вонзиться въ землю всюю своею тяжестію и придти на нѣсколько минутъ въ качательное движеніе съ тѣломъ, на немъ распятымъ. Какова же должна быть боль въ язвахъ распятаго! Подобное сему, конечно, было теперь и съ Іисусомъ Христомъ.

На крестѣ и со крестомъ вознесенъ теперь Агнецъ Божій. Настала минута торжественнаго молчанія и величественнаго зрѣлища. Язвы Господа изливаютъ на землю четыре струи, какъ бы нѣкоторыя священныя рѣки, дабы оросить ее и сдѣлать раемъ новаго Адама. Взоры друзей Іисуса обращены къ Нему и длани ихъ распростерты къ распростершему на крестѣ длани Свои.

Но адъ, съ ужасомъ почувствовавъ приближающееся свое пораженіе, со всею яростію началъ изрыгать хулы противъ Богочеловѣка. Злобные старѣйшины іудейскіе, не успѣвъ исходатайствовать предъ Пилатомъ позволенія о перемѣнѣ надписи вины Спасителя, съ новою наглостію всѣ начали ругаться надъ Господомъ: «Другихъ спасалъ, а себя не можетъ спасти» «Если Онъ обѣтованный Мессія, то пусть теперь сойдетъ со креста. Увидѣвши это, мы тотъ-часъ увѣруемъ». Ругались надъ Господомъ и воины-распинатели. Буйные и безчеловѣчные, они, подходя къ Господу, только подносили Ему укусу, но пить не давали и говорили: «Если ты Царь Іудейскій, спаси себя». Наконецъ ругался надъ Господомъ даже одинъ изъ распятыхъ съ нимъ злодѣевъ. Правда, всѣ призывали Его сойти со

креста, какъ будто желали Ему блага, но на самомъ дѣлѣ — это была ядовитая насмѣшка, а не чувство человѣколюбія, голосъ презорства и дерзкаго поруганія, а не искренняго желанія Его спасенія. Нѣтъ, Господь не сойдетъ со креста, дабы побѣдить все крестомъ, и теперь же съ собою начать вознесеніе всего человѣчества, привлеченіе цѣлаго міра: *аще Азъ вознесенъ буду, вся привлеку къ Себѣ* (Іоан. 12, 32). Между тѣмъ, на площади Голгоѣской, подъ самыми стопами Спасителя совершалась тайна исполненія пророчества царя Давида. Это раздѣленіе ризъ Мессіи и завладѣніе хитонемъ Его по жребію. Распинатели не пожелали разрывать хитонъ Спасителя на части, а кинули жребій, кому онъ достанется. Кончивши дѣлежъ, они сѣли подлѣ распятаго и стерегли Его.

Станемъ духомъ и мы у подножія креста Спасителя, но съ подобающимъ къ Нему благоговѣніемъ и любовью спасаемыхъ къ своему Искупителю.

Что дѣлалъ, что мыслилъ теперь Спаситель нашъ? Но что Онъ могъ дѣлать, пригвожденный ко кресту? Что другое могло занимать Его и теперь, какъ не тоже, чѣмъ занятъ былъ Онъ и во всѣ дни плоти своей — молитва и моленіе къ Отцу Своему небесному. Да, искупитель нашъ молился и въ эти предсмертныя минуты своей жизни. *Отче, отпусти имъ: не вѣдѣтъ бо что творятъ* (Лук. 23, 34). Вотъ первое слово Искупителя нашего на крестѣ! Вотъ первое Его предсмертное завѣщаніе каждому Его послѣдователю, каждому страдальцу, цѣлому міру!

2. Между тѣмъ какъ совершались событія сіи на Голгоѣ, явилось знаменіе на небѣ. Наступало затменіе солнца. Всѣ смутились. Совѣсть у всѣхъ и каждаго естественно должна была пробудиться. Шумъ, ругательства, насмѣшки прекратились мало по малу. Все утихало и погружалось

въ безмолвіе, ожидая чего то необыкновеннаго. Эта внезапная тишина, а еще болѣе—эта молитва Господа о врагахъ своихъ быстро, какъ молнія, глубоко, какъ благодать пронзила сердце разбойника и изъ врага сдѣлала его другомъ Христовымъ. «Какъ можно насмѣхаться надъ Нимъ», какъ-бы такъ началъ говорить разбойникъ, «какъ можно это, когда Онъ молится за насъ»? Молиться за враговъ своихъ тогда, когда они забыли всякое чувство человѣколюбія и состраданія — о, это выше природы человѣческой! «Вѣрно это обѣтованный Мессія, Царь Израилевъ, Сынъ Божій», и глаголаше *Иисусови: помяни мя, Господи, егда приидеши во царствіи Си.* Сладостно было Иисусу слышать это отъ разбойника. Это былъ какбы отвѣтъ Отца Небеснаго на Его Сыновнюю молитву. Искупитель человѣковъ съ любовію призрѣлъ на первый плодъ Своего искупленія. «Я обѣщаю исполнить просимое тобою», какбы такъ отвѣтствовалъ разбойнику Владыка рая и ада»; обѣщаю тебѣ рай, не въ будущемъ отдаленномъ, а скоро—днесъ же. *Аминь глаголю тебѣ: днесъ со мною будеши въ раи.* (Лук. 23, 42—43).

3. Умолкъ Господь, умолкъ и разбойникъ, но заговорило небо. Было уже ровно 12 часовъ. Наступила тьма. Солнце, не смотря на время полнолунія, померкло. Луна не давала свѣта свѣта своего. Небо сдѣлалось мрачно. Показались звѣзды, они бросали кровавый свѣтъ. Воздухъ охладился. Тьма покрыла всю землю. Распространился всеобщій ужасъ. Онъ объялъ и людей и животныхъ. *Вся тварь, видѣвши Теорца на лобнѣмъ висима, ужасомъ многимъ содрогашеся.* И на Голгоѣѣ теперь поражены были всѣ нѣмымъ ужасомъ. Настала минута глубокаго молчанія. Видно, враги Господа присмирѣли и открыли свободный доступъ ко кресту Его. И Матерь Спасителя, сопровождаемая нѣсколькими женами, вмѣстѣ съ Іоанномъ, возлюблен-

нымъ ученикомъ Христовымъ, подошла теперь ближе ко Господу и стала при крестѣ Его. Можно ли изобразить всю лютость скорби и туги сердечной у сей Царицы мучениковъ? Прекраснѣйшій изъ всѣхъ сыновъ человѣческихъ, возлюбленный Сынъ Ея, — на позорномъ древѣ преступниковъ, *не имѣетъ ни вида, ни доброты, но видъ Его безчестенъ, умаленъ паче всѣхъ сыновъ человѣческихъ.* (Ис. 53, 2 — 3). Еще нѣсколько минутъ и Она увидитъ одно бездыханное тѣло Его. Въ подобныя минуты... если бы только могли быть когда нибудь имъ подобныя, кто не пожелаетъ смерти? Господь видѣлъ это, но видѣлъ и то, что взять Ее теперь съ Собою значило бы оставить мѣръ весь, а особенно учениковъ Своихъ, и безъ того теперь скорбныхъ и несчастныхъ, истинно сирыми. И потому съ обычною Своею Божественною любовію, склонивъ взоры свои къ матери, а съ Нея перенося ихъ на Иоанна, сказалъ: *Жено, се сынъ Твой,* — а съ Иоанна опять обращая ихъ на Свою Матерь, произнесъ: *Се Мати твоя!* (Иоан. 19, 26—27). Это было послѣднее предсмертное завѣщаніе Искупителя нашего. Что оно означаетъ? Высочайшая важность настоящаго событія въ дѣлѣ искупленія всего человѣчества ясно свидѣтельствуешь, что этими словами Спаситель нашъ усыновлялъ Пречистой Матери Своей въ лицѣ Иоанна всѣхъ истинно вѣрующихъ въ Сына Ея. Итакъ Она теперь не Одна. Она не Сирота. У Нея не одинъ Сынъ Иоаннъ. У Нея цѣлая область чадъ благодатныхъ, чадъ Божіихъ. И чада не сирь. У нихъ есть и будетъ Мать Богоблагодатнѣйшая. Но содѣлавшись Матерію, имѣющею веселиться о новыхъ чадахъ Своихъ, Приснодѣва является въ сію особенно минуту Преподобною въ женахъ. Да, нѣкоей Женѣ общано Сѣмя, имѣющее стереть главу змія. Вотъ и Жена! Вотъ и Сѣмя Ея! Скоро совершится и самое обѣтованіе, —

тотчасъ, какъ это Сѣмя выпадеть изъ Своего колоса.

4. Тьма все еще продолжалась, и на Голгоѣ царствовала тишина, — никто не произноситъ ни одного слова. Самъ Господь, изрекши Свое предсмертное завѣщаніе, умолкъ и Его искренніе не смѣли, или, можетъ быть, отъ тоски сердечной не въ состоянїи были ни однимъ словомъ нарушить этого всеобщаго, грознаго молчанія! Подъ этимъ то таинственнымъ мракомъ, среди этой глубокой тишины, для Господа наступала теперь провидѣнная вѣкогда пророкомъ (пс. 21) лютая минута лютыхъ и невыразимыхъ скорбей и страданій за грѣхи наши. Отдавши Матерь Свою Іоанну, Господь Самъ остался сирымъ и одинокимъ въ цѣломъ мірѣ, безъ радости и дружбы, безъ всякой помощи человѣческой и безъ надежды на какое-либо земное утѣшеніе. Онъ не принадлежалъ болѣе въ частности ни кому въ мірѣ для того, чтобы принадлежать всему человѣческому роду, всѣмъ вѣкамъ — прошедшимъ и будущимъ. Но чаша страданій еще не была испита Господомъ до конца.

Доселѣ взоръ Отца Небеснаго съ любовію покоился на Божественномъ Страдальцѣ, подкрѣплялъ и утѣшалъ Его среди подвиговъ крестной. Но теперь наступило время, когда Господь долженъ былъ нести всю тяжесть креста своего безъ всякой помощи и утѣшенія не только земнаго, но и небеснаго. Да, Ему надлежало быть оставленнымъ и Отцемъ Своимъ Небеснымъ, конечно, не по Божеству, по Которому Онъ всегда со Отцемъ, (какъ *Сынъ въ лоно Отчи*), но по человѣчеству, какъ Примирителю Бога и человѣковъ, какъ принявшему на Себя и грѣхъ человѣка и наказаніе за грѣхъ. Итакъ теперь наступила минута, когда должна была совершиться тайна искупленія нашего. — Ходатай Бога и человѣковъ вознесъ теперь съ Собою на Крестъ грѣхи всего міра — всѣхъ племень и всѣхъ вѣковъ. Невиннѣйшій

и Святой Святыхъ содѣлался теперь весь грѣхомъ и клятвою. вмѣсто челоуѣка сталъ подъ ударами карающаго правосудія небеснаго, и весь подвигъ сей долженъ былъ совершить Одинъ, рѣшительно Одинъ, при полномъ оставленіи небомъ и землею. И Онъ оставленъ былъ Богомъ... О, какая необъятная громада грѣховъ! Какая истинно люта и невообразимая мука! Какая болѣзненная и ужасная минута! Боже Мой, Боже Мой, вскую Мя еси оставилъ, взываетъ Вѣчное Слово.

5. Подвигъ оставленія истомилъ, изнурилъ, измучилъ Спасителя. Огонь скорбей и страданій пожиралъ душу Его. Огонь болѣзней пожиралъ все Его тѣло. Вися между небомъ и землею, Онъ погруженъ былъ въ бездну истощенія. Жизнь Присносущная — Онъ быстро — минута за минутой приближался къ смерти. Ангеловъ радость и утѣха челоуѣковъ, — весь истоптанъ былъ въ кровавомъ точилѣ ярости Божіей и представлялъ изъ Себя позоръ для ангеловъ и челоуѣковъ.

Наконецъ къ этимъ скорбямъ и болѣзнямъ присоединилось для Господа мученіе — самое ужасное и нестерпимое. Это — жажда. Доселѣ какъ тяжело ни страдалъ Господь, однакоже не требовалъ ни отъ кого помощи. Самъ Сирый и безпомощный, «среди скорбей и страданій ни на минуту не переставалъ со креста преподавать другимъ утѣшеніе и помощь. Но теперь, когда боль отъ ранъ, круженіе въ головѣ, тоска въ сердцѣ усилились до высочайшей степени; когда свѣтильникъ жизни Его начиналъ уже погасать и готовился положить душу Свою за людей всего міра, — въ первый и послѣдній разъ со креста Своего Онъ потребовалъ отъ челоуѣка и какъ бы отъ цѣлаго челоуѣчества одной милости, послѣдней помощи: «дайте Мнѣ пить! Я пить хочу»! *Жажду.*

6 и 7. Было уже около 3-х часовъ. Безсмертный вступалъ въ борьбу со смертію. Уже послѣднія капли крови орошали землю. Уже не много осталось ея, только около сердца. Онъ не пощадитъ и ее для человѣка. Дѣло искупленія уже кончено. Медлить въ этомъ мірѣ не было болѣе нужды. Наступилъ и часъ Господень... Онъ умираетъ... Но, какъ имѣющій власть положить душу Свою и паки пріяти ю, Онъ, какъ Левъ отъ Іуды, послѣ многознаменательнѣйшаго изреченія: *совершишася*, поднялъ вѣнчанную терніемъ главу Свою. Угасающій взоръ Свой устремилъ къ Небу и возопилъ велимъ гласомъ: *Отче въ руку Твою предаю Духъ Мой*, склонилъ главу и испустилъ духъ. — И вотъ образъ бездыханнаго тѣла Его! — Вся вселенная услышала послѣдній вопль Спасителя Нашего и узнала Своего Владыку и Господа.

Въ одно мгновеніе, со смертію Его церковная завѣса разорвалась пополамъ. Земля затряслась. Распались камни. Отверзлись гробы и возстали затѣмъ усопшіе святые. Весь народъ, смотрѣвшій на позорище, пораженъ былъ страхомъ. Многіе били себя въ перси, возвращаясь въ дома свои. Все исполнено было онѣмѣнія и ужаса.

Такъ совершилось Божественное домостроительство спасенія рода человѣческаго.

Бр. Хр.! Всѣ мы виновники страданій Спасителя нашего. Не ожесточимъ нынѣ сердце нашихъ, пока кровь Искупителя нашего вопіетъ къ Богу Отцу о помилованіи, пока отверзтое копіемъ любвеобильное сердце Его готово излить на насъ всѣ сокровища любви и милосердія Отца Небеснаго, пока распятый на крестѣ Богъ-Слово готовъ принять всѣхъ притекающихъ къ Нему съ раскаяннымъ духомъ и сокрушеннымъ сердцемъ. Придите же, бр., придите поклонимся и припадемъ ко Христу у подлежащаго

нынѣ гроба Его, да въ обѣтъ всегда оставаться вѣрными Его послѣдователями, несмотря на все искушенія плоти, міра и діавола. Аминь.

Протоіерей *Василій Пархомовичъ*.

Къ жизнеописанію старца Паисія Величковскаго.

11.

Устроеніе общинножитія въ молдавскихъ монастыряхъ. Вопросъ объ «умной молитвѣ» и о томъ, позволительно монахамъ употреблять въ пищу мясо.

Истинное монашество есть строгое и безусловное общежитіе, — совершенное отсутствіе всякой собственности, одна и таже со всеѣми положенная уставомъ пища въ общей трапезѣ, одна и таже со всеѣми изъ монастырской казны одежда, одинъ и тотъ же со всеѣми и оттуда же весь домашній обиходъ. Среди грековъ возникло общежительное монашество. Греки же, создавъ *общежитіе*, изобрѣли и такъ называемое *келліотство*, — монашество особножитное. Человѣкъ постригался въ монахи, входилъ для жительства въ монастырь, но не вступалъ въ монастырскую общину, подчиняя себя ея требованіямъ относительно неимѣнія собственности и всеѣмъ ея суровостямъ относительно пищи и всего образа жизни, а ставилъ въ монастырѣ особую и отдѣльную про себя келлію и въ ней на свои собственные средства жилъ собственнымъ и отдѣльнымъ хозяйствомъ. — Въ Молдавіи временъ Паисія Величковскаго въ монастыряхъ господствовали уставы — келліотскій или особножит-

ный, въ которомъ не оставалось и тѣни истиннаго монашескаго устава, и общинножитный, съ такимъ сохраненіемъ права частной собственности, при которомъ отъ истиннаго устава сохранялась не болѣе, какъ только тѣнь. Весьма многіе монастыри находились въ завѣдываніи частныхъ лицъ за тѣмъ, чтобы пользоваться ихъ доходами, которые предоставлялись получавшимъ монастыри въ полную власть. Арендаторы, конечно, нисколько не заботились о монахахъ и монашеской жизни, и потому жизнь монашеская была въ упадкѣ. Паисій ввелъ строгій общежительный уставъ, и ему приходилось распространять и уяснять понятіе о правилахъ общежитія монашескаго, защищать общежитіе, бороться противъ установившихся взглядовъ на монастыри. Общежитіе называетъ онъ небомъ: «того ради, якоже бо на небеси разногласія и раздѣленія особствующаго въ небесныхъ силахъ нѣсть; но вси едино мыслятъ, едино мудрствуютъ, еже славити и воспѣвати Создателя Бога, и миръ и безмолвіе умное сохранить. Тойжде образъ и сіе носить, еже молитвѣ непрестаннѣй упражняться, ни единымъ смущеніемъ міра сего препинаеми суще, или о себѣ и о нуждахъ своихъ пекущися; но общій трудъ, общій промыслъ, общій покой, общая радость, общая скорбь, и вся случающаяся отъ внутрь и отъ внѣ діаволомъ наносимая подъемлютъ. И ни единымъ скорбнымъ навѣтомъ, отъ еже славословити Бога и мирствовать духовно, препинаеми суть. По реченному: Слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ. И гдѣ миръ на земли? точію во общемъ житіи, идѣже вси, маліи и велицы, единоголасни, единомудренни, единообразни житіемъ, добродѣтелию и безимѣнствомъ, нищетсю украшенни, и соединенни суть. Мірское же житіе сего мира Божія не имать: овъ бо имать много, овъ же мало, и кійждо о себѣ свое себѣ содержитъ, другаго не имать и причаст-

ника своему стяжанію не творить, точію самъ о семъ хвалится, величается и возносится; тѣмъ же тамо мира и подобнаго славословія ангельскаго нѣсть... Аще же нѣцымъ совокупленіе точію и трапезу общую житіе общее именують быти, исправленія же дѣломъ, во еже спастися, и единомыслія, любви же и милосердія равнѣ ко всѣмъ не показываютъ, но раздѣленны мудрованіемъ и всѣми чувственными вещми, и кійждо свое себѣ быти именуяй, тако обрящутся; также между сими горды, другъ другу не покорны, пропотницы, хулницы, неблагодарни, велерѣчєви, оболгатели, оглаголници, слумы творяще, смѣховѣщатели, баснословцы, таже славолубцы, сластолюбцы, чревопризнователи, гостолубцы, особноядцы, пияницы, и прочіи вси маліи и велицы различіемъ злобы онедуготворенніи суще: таковое совокупленіе нѣсть достойно общимъ именемъ и житіемъ нарицатися, но есть паче разбойническаго разбойническо, паче злодѣйскаго злодѣйское, паче языческаго языческо, и нечистаго нечистѣйше сицевое житіе и совокупленіе; и честнѣйшіи языцы, не познавши Бога отъ неразумія, нежели сіи ложніи воини, прикровенніи отъ внѣ христіанствомъ, внутрь же житіемъ и нравомъ идолопоклонницы въ день судный предъ Господемъ Богомъ обрящутся» *).

*) Эти мысли и выраженія о монашествѣ общежительномъ Паисій заимствовалъ изъ книги: «*Иконіонъ*», напечатанной въ Вильнѣ 1618 г.—Уставъ монашескаго общежитія введенъ въ Россіи преп. Феодосіемъ Печерскимъ. Послѣ нашествія монголовъ общежитіе почти совершенно исчезло изъ нашихъ монастырей и затѣмъ рѣчи о немъ и попытки возвратить его начаты были только уже въ XVI вѣкѣ. Изданіе «*Иконіона*», принадлежитъ этому времени оживленія монастырскаго общинножитія. Сочиненіе приписывается Григорію V константинопольскому патріарху; оно издано и на современномъ русскомъ языкѣ въ Петербургѣ, въ 1864 г.

тельно, Паисій поднялъ монашество въ Молдавіи: обѣты нестяжательности и поста, обѣтъ подвижничества и «всякой скорби и тѣсноты», были свято соблюдаемы въ монастыряхъ подъ его руковедствомъ.

Монашество есть нарочитый и исключительный подвигъ служенія Богу посредствомъ добровольнаго отреченія отъ этого міра, отъ его дозволенныхъ попеченій, радостей и утѣхъ; какъ подвигъ тѣлесный, оно есть подвигъ добровольныхъ лишеній и скорбей; какъ подвигъ духовный, оно есть подвигъ очищенія духа отъ помысловъ земныхъ и устремленія его исключительно къ Богу. Этотъ послѣдній монашескій подвигъ съ давнихъ временъ состоялъ между прочимъ въ особомъ дѣйствіи умственномъ, въ «умной молитвѣ». Во времена Паисія въ Молдавіи происходили горячія пренія между монахами объ этомъ подвигѣ, вопросъ объ умной молитвѣ былъ живымъ вопросомъ дня. Хотя душа человѣческая съ ея помыслами неописуема и какъ подвизались подвижники борьбою съ мірскими помыслами, это трудно подвергнуть историческому изслѣдованію; но для психологіи духовныхъ подвиговъ монашескихъ очень интересно описаніе духовнаго подвига, къ которому почти исключительно стремились сподвижники и ученики Паисія. Описаніе это принадлежитъ «спостнику и наставнику Паисія старцу Василию». — «Первѣе же всѣхъ», пишетъ старецъ Василій, «начинаютъ въ тѣлеси подвизающагося и внимающаго въ молитвѣ движенія нѣкая, аки възграція подъ кожею, яже мнятся нѣкимъ быти прелесть. Приходитъ теплота отъ почекъ яко соопоясующи, и та прелесть мнятся быти: сія же не суть прелести, но естества суть свойства, раждаема отъ подвига онаго. Аще же кто славить сія, яко отъ благодати, а не отъ естества: сіе есть истинно прелесть. Сія же какова любо суть, дол

женъ есть сія подвизаяся не любити, но отражати и от-
метати. Приходитъ же и ина теплота отъ сердца, и аще
убо снисходитъ умъ въ блудные помыслы, прелестъ есть
воистину. Аще же тѣло убо все отъ сердца растеплеается,
умъ же есть чистъ и безстрастенъ, и акибы прилѣпленъ
есть во внутреннѣйшей глубинѣ сердца, сіе есть воистинну
благодати, а непрелести. Овогда убо бываетъ тако обрѣта-
ющимся и потъ отъ многія теплоты бывающія въ тѣлеси.
И тогда подвижится отъ сердца святое дѣйство, вземлющо
аки листъ нѣкій отъ сердца, и движущо умъ отъ внут-
реннихъ, яко прильпнувшій къ самому тому божествен-
ному дѣйству, якоже вопити частс: Исусе мой, Исусе мой!
Абѣ бо во отверженіи сердца сіе точію вопіеть умъ: Исусе
мой, и не можетъ все рещи умъ, еже: Господи Исусе
Христе Сыне Божій, помилуй мя, — отъ частыхъ отверженій
сердца, но точію: Исусе мой. Глаголющии же, яко всю со-
вершаютъ молитву во устроеніи таковомъ, прельщаются.
Внегда бо прилѣпится умъ, якоже рѣхомъ, божественному
дѣйству, во внутреннѣйшее пришедъ сердца, не можетъ
мвожае вопити, развѣ точію: Исусе мой. Тогда убо бываетъ
отъ святаго дѣйства утѣшеніе бываетъ велико. И тогда ска-
четъ, и истекаетъ сладостію и слеза отъ сердца, и течеть
отъ очію сладчайше сладчайше, и сіе есть радостопечаліе.
Возгрѣваетъ же тогда сердце отъ многого онаго священно-
дѣйства, и бываетъ все тѣло распалено и вопіеть умъ
ужасомъ: Господи, помилуй. И якоже елей въ сосудѣ хол-
нѣ, разгрѣваемъ отъ огня зельнѣ, отъ многого грѣнія из-
ливается и внѣуду; тако бываетъ и на сердце: внегда бо
возвритъ сіе отъ божественнаго дѣйства, изливаетъ и на
тѣль теплоту, и творитъ е распалено, и тогда страждай
сіе разумѣеть, яко внутренняя его яснѣ изскачуть вонъ.

Бываетъ же и ина нѣкая преславная таинства на имущемъ реченная устроения: есть егда и свѣтъ, тѣмже и просвѣщеніе внутрѹду таковый смотряеть, просвѣщающее его паче солнца, источающе отъ сердца свѣтъ. Бываютъ же внутрь сердца и ина таинства, яже не могу писанію предати: видитъ бо умъ всю тварь, и ужасаемъ отъ движенія святаго дѣйства и отъ смотряемыхъ божественныхъ таинствъ, возсылаеть изъ глубины сердца славословія, яже не могу писаніемъ изъяснити. Весь бо бываетъ человекъ тогда обоженъ отъ божественнаго онаго движенія, внѣ же всякаго вещнаго и чувственнаго всего, и яко неудержимъ отъ радости, яко нѣкій многимъ виномъ погруженъ. Таже отъ сихъ восхищается умъ въ видѣніе божественное; и видитъ таинства страшна, яже не могу писати тонкочастнѣ. Видитъ умъ видѣнія божественна, видитъ же и наслажденіе праведныхъ, райскія доброты. Еще выше умъ видитъ на небеси ужасна и преславна таинства, и елико восхищается человекъ отъ прилога сопротивныхъ, толика еще видитъ больша сихъ, якоже ему дарова духъ».

На ряду съ вопросомъ объ «умной молитвѣ» стоялъ вопросъ о мясояденіи. Можно ли монахамъ употреблять въ пищу мясо — это было спорнымъ предметомъ для молдавскихъ монаховъ восемнадцатаго вѣка. Многие доказывали, что «въ томъ грѣха нѣтъ, ни нарушенія обѣтовъ, когда монахи вкушаютъ мясо; на волѣ каждаго лежитъ, ѣсть ли мясо или не ѣсть, а закона объ этомъ и правила непреложнаго не существуетъ, такъ какъ и древніе отцы — одни ѣли мясо, другіе нѣтъ, какъ кто хотѣлъ: ядый бо, сказалъ апостоль, неядущаго да не укоряеть, и неядый ядущаго да не осуждаетъ». Другъ Паисія старецъ Василій спросилъ объ этомъ антиохійскаго патріарха Сильвестра, въ присутствіи унговлахійскаго князя

Константина Николаевича, въ 1749 году. «И тогда, пишетъ старецъ Василій, его святительство даде худости моей благословеніе глаголати и писати противу учащихъ мясояденію монаховъ». Плодомъ трудовъ старца Василія по вопросу о мясояденіи явилось «*Изслѣдованіе о ошаянн и невоспріятн монахомъ мясь*». Въ этомъ изслѣдованіи изложены вопросы защитниковъ мясоестія и представлены отвѣты противниковъ мясь. Сущность этихъ вопросовъ и отвѣтовъ заключается въ слѣдующемъ.

1. Откуда монахи взяли—не ѣсть мяса, тогда какъ божественный апостоль Павелъ какъ бы нарочно противъ этого пишетъ къ Тимоѳею: «въ послѣднія времена отступятъ нѣкоторые отъ вѣры, внимая духамъ оболстителямъ и ученіямъ бѣсовскимъ, чрезъ лицемѣріе лжесловесниковъ, сожженныхъ въ совѣсти своей, запрещающихъ вступать въ бракъ и употреблять въ пищу то, что Богъ сотворилъ, дабы вѣрные и познавшіе истину вкушали съ благодареніемъ» а).

Хотя и были еретики, сказано въ отвѣтъ на предложенный вопросъ, которые называли нечистыми мяса всякихъ животныхъ, вино и бракъ, однако теперь намъ нѣтъ нужды подозрительно относиться ко всѣмъ этимъ предметамъ, такъ какъ святая церковь проклинаетъ еретическую хулу о брашнахъ. вмѣстѣ съ тѣмъ она почитаетъ воздержаніе б).

2. Если Богъ послѣ потопа позволилъ праведному Ною ѣсть мясо в); то въ чемъ будетъ грѣхъ монахамъ, ядущимъ мясо, и какая добродѣтель у неядущихъ мяса?

Не ѣсть мяса былъ общій законъ для всѣхъ людей до потопа, отъ Бога данный Адаму въ раю. Разрѣшеніе же ѣсть мясо послѣ потопа—это позволеніе Божіе, снисхожденіе къ нашему невоздержанію, а не законъ.

а) 1 Тиме. 4, 1—3; б) Филип. 3, 18 — 19; в) Быт. 9, 3; Быт. 1, 29—30.

3. Вселенскіе соборы не положили закона, запрещающаго монахамъ кушать мясо; а соборы не молчали бы, еслибы въ мясояденіи заключался грѣхъ.

Но еслибы святыя соборы въ запрещеніи монахамъ употреблять мясо усмотрѣли что-либо противное святой церкви, то, конечно, отклонили бы это. И для чего монахамъ требовать законоположенія, да и зачѣмъ св. соборамъ постановлять законы объ этомъ, когда свободный обѣтъ предъ Богомъ—для монаховъ законъ? Твердость обѣтовъ еще въ ветхомъ завѣтѣ узаконена Богомъ.

4. Но дѣло въ томъ, что со дней апостольскихъ и даже до временъ Василія Великаго для монаховъ не было зазорно вкушать мясо: почему же нынѣ это соблазнительно.

Въ семъ не иное что усматривается, какъ только то, что о воздержаніи отъ мясъ не было еще разсуждено, да и самъ чинъ монашескій не пришелъ еще тогда въ полную красоту и совершенство.

5. Въ первенствующей церкви многіе монахи, ѣвши мясо, угодили Богу больше неядущихъ въ настоящее время?

Постники первенствующей церкви, какъ неизмѣнные преданія о качествахъ брашенъ, не повинны въ преступленіи добраго и благочестиваго установленія богоносныхъ отцевъ: Антонія, Евѣимія, Саввы и прочихъ; нынѣшніе же монахи, дерзающіе противъ преданія ѣсть мясо, будутъ отвѣчать предъ Богомъ не одинаковымъ съ древними судомъ.. Мы не можемъ во всемъ уподобляться первенствующей церкви: въ ней вечеромъ иногда и даже ночью священники совершали литургію и ѣвшихъ въ тотъ день причащали святѣйшихъ таинъ, до тридцати лѣтъ возраста крещеніе отлагали, допускали вступать въ бракъ діаконамъ послѣ хиротоніи, всѣмъ причащающимся влагали святыя тайны въ руки....

6. Что убо—не тожде ли мясо вкушаху древніи, якоже и нынѣшніи, и кое здѣ различіе обрѣтися можетъ?

Мясо убо тожде есть, но не тойжде разумъ... Аще и раздѣляется постъ въ четыре части: на духовный, глаголю, постъ и нравственный, на естественный и церковный; обаче монахамъ должно всегда поститися отъ мясояденія. Постъ бо духовный есть удаленіе отъ грѣховъ, нравственный же постъ—умѣренное и денія употребленіе; а естественный постъ—еже отнюдъ ниже ясти, ниже пити до времени какого по образу веневилянъ; постъ же церковный есть воздержаніе отъ мясъ по закону и правиламъ церковнымъ, и таковой постъ мірскимъ людемъ въ четыре времена годищныя должно постити и всякую среду и пяттокъ, отъ благоговѣйнаго же и понедѣлоу, равно съ монахами. Обаче не о семъ постѣ намъ слово, но о всегдашнемъ ошайніи мясъ монахамъ, кромѣ рыбы, сыра же и яицъ, и елея, по времени и расположеніи типиковъ о сихъ... Свѣтъ убо есть всему міру и слава монахомъ, паче же Христовой церкви, Аѳонская гора, Кіевъ же и вся великая Россія, идѣже просіяша въ сія послѣдняя времена толикою святынею преподобніи отцы, иже покаяющеся преданію древнѣйшихъ св. отецъ, отъ единыхъ сѣменъ, елея же и рыбы, сыра же и млека приемляху пищу... Того ради не подобаетъ намъ играти въ вещахъ ненаиграваемыхъ и свое чревослуженіе повѣстми и исторіями древними выправляя, дерзати на мясорѣзаніе, мнѣнціи, яко сіе на волѣ всякаго лежитъ, а не законъ Божій и отреченіе наше предъ Богомъ и святыми его ангелы.

7. Аще убо, якоже зрится, ошайніе мясъ первый есть законъ Божій, а не едино преданіе св. отецъ, воображенное типиками и пріятное соборною церковію, досягающе всѣхъ странъ православныхъ: греческихъ, глаголю, російскихъ,

болгарскихъ и сербскихъ, угровлахійскихъ и молдавскихъ и прочихъ; то откуда взялся начало презрѣнія и безстрашія сего въ монасѣхъ?

Есть въ мірѣ семь начало и конецъ, пачеже рещи, источникъ многого беззаконія предъ Богомъ, — ветхій Римъ: той бо отъ дней апостольскихъ пророчески наречеса мати любодѣйцамъ и мерзостемъ земнымъ, якоже писано есть во Откровеніи. Отъ сего убо, со многими злыми, бысть начало презрѣнія благочестивыхъ отеческихъ преданій за мясорѣзаніе монахомъ...

Нѣсть же сіе чудно, еже и греческимъ монахомъ ясти мясо, навывновеніемъ отъ латинъ. Егда бо римляне пообладаше Іерусалимомъ до осмидесять лѣтъ и вѣщше, наченше отъ року 1099 даже до року 1186, и поставиша въ немъ своего патріарха и короля; тогда нужда бѣ многимъ сластолюбивымъ монахомъ греческимъ навывкати отъ латинъ мясояденія, наипаче же егда и самый той Константинополь взяша латини а).

Первоначально простая и чрезвычайно несложная жизнь нѣсколькихъ пустынниковъ, состоявшая съ одной стороны

а) Старецъ Василій, какъ видно изъ отрывковъ, собралъ матеріалъ для исторіи вопроса объ употребленіи мясъ монахами. Такъ онъ въ недоумѣніи останавливается надъ словами Василія В. «Чудитися настоитъ, како сей божественный іерархъ въ единомъ отъ постническихъ своихъ словесъ попускаетъ монахомъ омокати хлѣбъ въ разсолѣ и ясти, въ немже малый рѣзень мяса варится, ради нѣкоего заслажденія». — Старецъ Василій сдѣлалъ выписки изъ разныхъ книгъ по своему предмету между прочимъ изъ книги преподобнаго Никона Черногорца объ антиохійскомъ патріархѣ одиннадцатаго вѣка Петрѣ, который велъ полемику о мясояденіи съ константинопольскимъ патріархомъ Михаиломъ Керуларіемъ. «Повѣдаше мнѣ, пишетъ о патріархѣ Петрѣ преподобный Никонъ, виръ Лука митрополитъ

въ умственномъ созерцаніи и размышленіи о предметахъ духовнаго міра, а съ другой — въ развитіи и укрѣпленіи своей воли на началахъ добра путемъ духовныхъ подвиговъ, съ теченіемъ времени, съ увеличеніемъ числа людей, искавшихъ иноческаго житія, все болѣе и болѣе усложнялась, такъ что явилась потребность составить извѣстные правила, которыя нужно было положить въ основу иноческой жизни и которыя сообщили бы ей своеобразный характеръ строго опредѣленнаго, соответствующаго своимъ основнымъ задачамъ органическаго цѣлаго. Такъ съ теченіемъ времени являются разнаго рода монастырскіе *уставы*, имѣющіе цѣлю всю жизнь инока подчинить строго опре-

Навирзу, мнѣ же по духу отецъ. Егда пріять киръ Петръ поставленіе патріаршества, тамо бѣ и сей отецъ мой. Къ нему же и рече царь, яко даемъ вамъ патріарха: но мяса не оставляетъ. Дерзнулъ же старецъ рещи посредѣ, яко добръ убо есть владыко мой и разумень, но мы въ Антіохіи патріарха ядуща мясо не приедемъ. Тогда киръ Петръ отвѣща ему глаголя: престани, владыко мой, не возбраняй ми сего, азъ бо мяса не оставлю ясти: и святой нашъ царь на сіе сниде мнѣ. Да яко не попусти старецъ, возбраненъ бѣ киръ Петръ совершеннѣ отъ мяса рѣзанія. Егда же изыдоша вкупѣ отъ Константинаграда и приидоша во Антіохію, бысть патріархово на престолѣ посаженіе: и елицы убо не ядяху мясь, сѣдоша съ патріархомъ, не таковіи же сѣдоша особъ. Егда же сваривша мяса, привесоша та первѣе ко патріарху, и обонивше онъ та въ сладости совершеннѣ и тогда отношася сія ко ядущимъ. Старецъ же, близъ патріарха сидя, паки возбраняше ему сего, якоже предъ царемъ, и рече посредѣ: владыко мой, не твори сего, зане брань большую воздвигнеша на себя. Тогда патріархъ не понесъ сюва, вземъ рѣзень мяса, рече: замолчиши ли, старче, да не заушу ты имъ? Отвѣща же старецъ: азъ, владыко мой, зря милость, юже имаши ко мнѣ, и на сію надѣяся, глаголахъ; егда же не велиши, не приложу ктому глаголати. Патріархъ же рече, яко святой царь повелѣваше ми ясти, ты же возбранилъ ми

дѣленнымъ правиламъ а). На этихъ-то уставахъ, каковы Студійскій, Іерусалимскій и св. горы Аѳонской, старецъ Василій основываетъ главные доказательства своего предмета.

Но какъ бы ни были отличны другъ отъ друга эти уставы въ разнаго рода частностяхъ, въ основномъ всѣ они согласны между собою, именно всѣ они въ основу иноческой жизни полагаютъ одни и тѣже главные начала или обѣты — *цѣломудрія, послушанія и нестяжательности* и какъ главные средства къ достиженію этихъ цѣлей — *молитва и постъ*. *Молитва*, какъ постоянное обращеніе ума къ Богу, есть такого рода дѣятельность, которая сама собою вытекаетъ изъ внутреннихъ стремленій истиннаго монахи, добровольно удалившагося отъ прелестей житейскаго міра. Съ одной стороны она есть могучее средство къ отрѣшенію ума отъ занятія вещами житейскими и сосредоточенію всего вниманія на высочайшемъ Существовѣ и предметахъ горняго міра, — съ другой она служитъ для духа такимъ же средствомъ къ нравственному воспитанію себя въ сознаніи своего ничтожества сравнительно съ неизреченнымъ величіемъ Божества, къ подавленію въ себѣ того мятежнаго, самолюбиваго и горделиваго духа, который былъ причиною паденія и свѣтлаго ангела и который тѣмъ болѣе можетъ гнѣздиться въ человѣкѣ, достигшемъ, повидимому, высокой степени нравственнаго совершенства. *Постъ*, какъ ограниченіе себя самыми скудными родами яствъ и питій, необходимъ для инока

еси: азъ же нынѣ не имамъ, развѣ едино обонянiе мяса во утѣшеніе мое. И сія убо тако сказа мнѣ отецъ мой духовный Лука».

а) Православ. Обзор. 1883 г., февраль: «Идея монашества» С. Д. Левитскаго.

какъ средство *свлечь съ себя ветхого чловѣка*, угасить то грѣховное пламя страстей, которое часто тревожитъ духъ чловѣка и мѣшаетъ ему заниматься предметами духовными и которое своимъ источникомъ имѣетъ тѣло съ его ненасытными пожеланіями. Нужно изъять изъ себя это жало грѣха, довести себя до такого состоянія, чтобы какъ можно менѣе чувствовать на себѣ эту брѣнную тѣлесную оболочку, чтобы духъ тѣмъ безпрепятственнѣе и свободнѣе могъ работать въ собственной области и заниматься тѣмъ, что соотвѣтствуетъ истинной его природѣ. Средствомъ къ этому и служить для инока именно постъ, не дающій пищи пожеланіямъ плоти и способствующій духу быть постоянно на стражѣ своего великаго дѣла. Такимъ образомъ *молитва* и *постъ* являются необходимыми средствами, ведущими къ одной и той же цѣли: къ упражненію воли въ дѣланіи добра, къ приученію ея подавлять суетныя, похотливыя желанія плоти и себялюбивыя влеченія духа.

О развитіи этихъ средствъ среди монаховъ въ Молдавіи по преимуществу и усиленно заботились старецъ Паисій вмѣстѣ съ своимъ наставникомъ, старцемъ Васи-ліемъ.

Свящ. М. Ганцукій.

О Божествѣ Ісуса Христа.

«Вопросъ о лицѣ І. Христа есть вопросъ всего христіанства, которое есть откровеніе Его жизни въ мірѣ; — это вопросъ церкви, которая утверждается на немъ, какъ

на незыблемомъ камнѣ. Это — вопросъ исторіи, которая движется около Него, какъ около центральнаго солнца нравственнаго міра; это вопросъ каждаго человѣка, инстинктивно стремящагося къ Нему, какъ къ предмету своихъ благороднѣйшихъ и чистѣйшихъ желаній; это вопросъ личнаго блаженства, которое и можетъ быть достигнуто только въ сладчайшемъ имени І. Христа. Все зданіе христіанства стоитъ и падаетъ съ своимъ Основателемъ-Богочеловѣкомъ, и если оно никогда не разрушится, то именно потому, что Христосъ одинъ и тотъ же вчера, сегодня и во вѣки». И дѣйствительно, для благороднѣйшихъ и лучшихъ людей всего міра Онъ составляетъ не только предметъ чистѣйшей любви и искренней благодарности, но и предметъ божественнаго поклоненія. Для истинныхъ христіанъ І. Христосъ есть самый достовѣрнѣйшій и славнѣйшій изъ всѣхъ фактовъ; въ бытіи Спасителя они больше увѣрены, чѣмъ въ своемъ собственномъ существованіи; безъ Христа — мы всѣ ничто, съ нимъ же — все. Къ сожалѣнію, многимъ Онъ не таковымъ кажется, — въ средѣ христіанскихъ народовъ, и при томъ самыхъ образованнѣйшихъ, есть личности, цѣлыя школы, не признающія и не видящія ничего особеннаго въ христіанствѣ и его Основателѣ, — есть личности, берущія на себя дерзкую смѣлость утверждать, что І. Христосъ — простой человѣкъ, окруженный только ореоломъ божественнаго величія, и что христіанство, какъ произведеніе ума и рукъ человѣческихъ, уже отжило свой вѣкъ, устарѣло и скоро будетъ храниться на полкахъ архива. — По долгу службы, читая подобныя сужденія, невольно поражаешься и ужасаешься, невольно ставишь себѣ вопросъ: Неужели люди науки, и при томъ въ средѣ христіанской, могутъ доходить до такихъ недѣльныхъ заключеній? Неужели у нихъ нѣтъ сердца и здраваго ума? Вѣдь христіанство существуетъ почти 2000 лѣтъ; уже одно это продолжительное существованіе должно показывать всѣмъ безъ исключенія его непоколебимость, незыблемость и его божественное происхожденіе. А его величайшія благодѣянія, возвышеннѣйшее ученіе, совершеннѣйшія правила дѣятельности, благо-

даря которымъ въ мірѣ грубость, варварство, рабство и деспотизмъ въ принципѣ уничтожены, не должно ли бы все это, по естественному чувству справедливости, заградить уста враговъ Божественнаго ученія? Вѣдь, кажется, нѣтъ въ мірѣ человѣка, который благодѣяніе считалъ бы зломъ и благодѣтеля преступникомъ; нѣтъ также человѣка, который бы за оказанное ему благодѣяніе не сознавалъ по крайней мѣрѣ въ своей душѣ чувства благодарности и благоговѣнія къ своему благодѣтелю; потому что это чувство присуще даже неразумнымъ животнымъ, а тѣмъ болѣе вѣнцу творенія, восящему въ себѣ образъ Божій. Неужели же современные враги Христа заглушили въ себѣ это благородное чувство? Неужели они не сознаютъ громаднѣйшаго вліянія, произведеннаго І. Христомъ на весь міръ, на все человѣчество? Неужели они не понимаютъ, что возрожденіе человѣчества и обновленіе всего міра не можетъ быть дѣломъ рукъ простаго человѣка? Великую истину изрекъ ап. Павелъ, — что для мудрецовъ вѣка сего І. Христосъ всегда будетъ камнемъ преткновенія, безуміемъ. Вступать впрочемъ въ полемику съ подобными людьми по этому вопросу нѣтъ настоящей нужды; потому что взгляды враговъ христіанства достаточно оцѣнены и опровергнуты великими авторитетами — богословами. Наша задача — болѣе скромная, мы желаемъ только своими разсужденіями укрѣпить въ читателяхъ вѣру въ І. Христа, какъ истиннаго Бога, на основаніи Божественнаго откровенія, на основанія всей земной жизни Спасителя.

Для ума не предубѣжденнаго все въ І. Христѣ говоритъ за Его Божесвое достоинство; во всемъ Онъ ни съ кѣмъ не сравнимъ, даже самымъ гениальнѣйшимъ изъ людей, все дышетъ въ Немъ Божественнымъ дыханіемъ, на всемъ въ Его жизни лежитъ печать не земнаго, не человѣческаго, а божественнаго. Прежде всего, обстоятельства, предшествующія явленію І. Христа въ міръ, сопутствующія Ему и послѣдующія указываютъ и громко говорятъ о Его вышечеловѣческомъ происхожденіи. Онъ, какъ никто изъ людей, былъ предреченъ и обѣщанъ людямъ отъ са-

маго начала міра. Человѣчество съ самыхъ первыхъ минутъ своей жизни приготовлялось Богомъ особеннымъ образомъ къ достойному принятію Христа, и приготовленіе это развивалось, разъяснялось и расширялось по мѣрѣ развитія и восприимлемости человѣка и приближенія времени Его пришествія. Какъ скоро Адамъ палъ, то сейчасъ же и былъ показанъ ему издалека возстановитель его природы. Въ послѣдующіе вѣка Богъ являлся патриархамъ для того, чтобы утвердить ихъ въ вѣрѣ этого ожиданія; посылалъ Духа своего пророкамъ для того, чтобы они возвѣщали объ Искупителѣ; избралъ народъ свой, чтобы онъ былъ хранителемъ этого великаго обѣтованія. Всѣ происшествія, случающіяся на землѣ, вели къ этому великому событію. Царства и области падали и возвышались для того только, чтобы приготовить путь Ему; небеса открывались, чтобы обѣщать Егои вся природа была какъ бы въ нетерпѣннн, ожидая Праведника, имѣющаго освободить ее отъ проклятія. «Вся тварь съ нами соболѣзнуеть и совоздыхаетъ даже донынѣ» (Римл. 8, 19). Уже на первыхъ страницахъ священныхъ книгъ израильтянинъ читалъ обѣтованіе объ Искупителѣ, рожденномъ отъ жены, побѣдителя змія. «И вражду положу между тобою и между женою, и между сѣменемъ твоимъ и сѣменемъ тоя; той твою будетъ блюсти главу, и ты блюсти будеши его пята» (Быт. 3, 15). Рожденный отъ жены, Искупитель долженъ былъ быть потомкомъ Авраама, и потому чрезъ Авраама и его потомство благословится вся земля. «И благословятся о сѣмени твоємъ вси языцы земнн» (Быт. 12, 3; 18, 18; 22, 18). Обѣтованіе это повторяется также Исааку и Іакову, и послѣдній, умирая, переноситъ его на Іуду. «Не оскудѣетъ князь отъ Іуды, и вождь отъ чреслъ его, дондеже придутъ отложенная ему, и той чаяніе языковъ» (Быт. 49, 10). Яснѣе и опредѣленнѣе представляется образъ Мессіи у Моисея. О Немъ, какъ побѣдителя враговъ израилевыхъ, предсказывалъ Валаамъ, произнесшій, вмѣсто проклятія, благословеніе израилю. «Возсіяетъ звѣзда отъ Іакова, и возстанетъ чловѣкъ отъ израиля, и погубитъ князи моавитскіе» (Числ. 24, 17). Его возвѣщаетъ

предъ своею смертію Моисей, какъ пророка, подобнаго ему, котораго Богъ поставитъ на землю, какъ Своего намѣстника, какъ посредника, основателя завѣта и законодателя. «Пророка отъ братіи твоея, яко же мене, возставитъ тебѣ Господь Богъ твой, того послушайте» (Вт. 18, 15—18). Когда израиль получилъ царей, послѣдніе стали служить изображеніемъ будущаго царя, помазаннаго самимъ Богомъ на данное ему отъ Бога царство. Онъ будетъ потомкомъ Давида «и возставлю сѣмя твое по тебѣ, иже будетъ отъ чрева твоего, и уготовлю царство Его: Той созиждетъ домъ имени Моему, и управлю престолъ Его до вѣка» (2 цар. 7, 12 и д.), помазаннымъ, отъ Бога посланнымъ царемъ, первосвященникомъ, совершеннѣйшимъ представителемъ Бога на землѣ. «Рече Господь Господеви моему: сѣди одесную мене, дондеже положу враги твоя подножіе ногъ твоихъ. Жезлъ силы послеть ти Господь отъ Сіона, и—господствуй посредѣ враговъ твоихъ. Съ тобою начало въ день силы твоея, во свѣтлостѣхъ святыхъ твоихъ: изъ чрева прежде денницы родихъ тя. Клятса Господь и не раскается: ты іерей во вѣкъ, по чину Мельхиседекову» (пс. 109). Его господство, положивъ начало новому времени, продолжится вѣчно, и всѣ цари и народы земные будутъ поклоняться ему. Его пришествіе будетъ милостію для народовъ, и власть Его послужитъ для нихъ источникомъ благословенія. «И пребудетъ съ солнцемъ, и прежде луны роды родовъ. Сидеть яко дождь на руно, и яко капля, каплющая на землю. И обладаетъ отъ моря до моря и отъ рѣкъ до конецъ вселенныя. Предъ нимъ припадуть эіопляне, и врази его персть полижутъ. Царіе аврсистіи и острова дары принесуть, царіе аравстіи и Сава дары приведуть: и поклонятся ему вси царіе земстіи, вси языцы поработаютъ ему. Яко избави нища отъ сильна, и убога, ему же не бѣ помощника. Пощадитъ нища и убога, и дома убогихъ спасеть. Будетъ имя его благословенно во вѣки; прежде солнца пребываетъ имя Его и благословятся о немъ вся колѣна земная; вси языцы ублажатъ его» (пс. 71). Въ псалмахъ же образъ страждущаго Мессіи является въ столь ясныхъ чертахъ, что описаніе страданія

Христа скорѣе можно принять за евангельскую исторію, чѣмъ за пророчество. Праведникъ перенесетъ столько униженія, насмѣшекъ, скорбей и позора, сколько никогда не терпѣлъ ни одинъ человѣкъ. Онъ будетъ осмѣянъ своими врагами и признанъ отребіемъ народа; обвинители Его будутъ радоваться Его мученіямъ и смѣяться надъ Его скорбію; Его ризы будутъ раздѣлены между ними, и объ одеждѣ Его будетъ брошенъ жребій. Тяжкое, безвинное страданіе, которое онъ будетъ нести за вину другихъ, послужитъ для другихъ источникомъ благословенія и поведетъ Его къ высшей славѣ; вслѣдствіе чего обратятся язычники и всѣ народы будутъ покланяться истинному Богу. «Азъ есмь червь, а не человѣкъ, поношеніе человѣковъ и униженіе людей. Все видящія мя поругашамися, глаголаша устнама, покиваша главою. Обыдоша мя тельцы мнози, юнцы тучніи одержаша мя. Отверзоша на мя уста своя, яко левъ восхищай и рыкай. Яко вода изліяхся, и рассыпашася вся кости моя; бысть сердце мое яко воскъ таяй посредѣ чрева моего. Изсше яко скудель крѣпость моя, и языкъ мой прилпе гортани моему. Ископаша руцѣ мои и нози мои, исчетоша вся кости моя, тѣ же смотриша и презрѣша мя. Раздѣлиша ризы моя себѣ, и о одеждѣ моей меташа жребій (ис. 21). Повѣмъ имя твое братіи моей: посредѣ церкви воспою тя. Боящіеся Господа восхвалятъ его, все семя Іаковле прославиши его; да убоится отъ него все сѣмя израилево: яко не уничижи, ниже не годова молитви нищаго, ниже отвори лице свое отъ мене, и егда воззвахъ къ нему, услыша мя. Помянутся, и обратятся ко Господу вси концы земли, и поклонятся предъ нимъ вся отечествія языкъ» (Ис. 21). Болѣе и болѣе яснымъ становится образъ Мессіи въ сознаніи евреевъ въ слѣдствіе предсказаній пророковъ, жившихъ со времени ассирійскаго и вавилонскаго плѣна (722—536 г. до Р. Х.). Мессія, по пророчеству Михея, родится въ Вифлѣемѣ (Мих. 5, 2) и родится чудеснымъ образомъ отъ Дѣвы. «Сего ради дастъ Господь самъ вамъ знаменіе: се Дѣва во чревѣ зачнетъ, и родитъ сына и наречеши ему имя Еммануиль (Ис. 7, 14). Онъ будетъ явленіемъ Бога во плоти

и спасителемъ народа. Онъ будетъ обладать всѣми Божественными свойствами». Яко отроча родися намъ, сынъ и дадеся намъ, его же начальство бысть на рамахъ его: и нарицается имя его — велика совѣта ангела, чудень совѣтникъ, Богъ крѣпкій, Властелинъ, Князь мира, Отецъ будущаго вѣка» (Ис. 9, 6). Будучи царемъ, пророкомъ и священникомъ, Онъ своими страданіями и смертію искупить народъ, и каждый будетъ спасенъ имъ, такъ какъ Онъ добровольно предастъ себя смерти за грѣхи всѣхъ. Но его униженіе будетъ причиною его прославленія, Его смерть дастъ жизнь всѣмъ. Черезъ него будетъ возвѣщенъ новый законъ новаго завѣта. Онъ будетъ вести къ спасенію всѣ народы «се дахъ ты въ завѣтъ рода, во свѣтъ лунномъ, еже быти тебе во спасеніе, даже до послѣднихъ земли» (Ис. 49, 6) и его царство, обнимая всѣ народы и всѣ времена, будетъ вѣчно (Ис. 53). Пророкъ Даниль утѣшаетъ народъ во время плѣна вавилонскаго тѣмъ, что показывалъ ему послѣдовательный рядъ великихъ царствъ — ассирійско-вавилонскаго, персидскаго, греческаго и римскаго, указываетъ затѣмъ на то вѣчное міровое царство, которое будетъ основано Богомъ небеснымъ и которое сокрушитъ всѣ остальные царства. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ опредѣлилъ время, когда настанетъ это царство Мессіи. Примѣнительно къ 70 годамъ вавилонскаго плѣна, предсказаннаго пророкомъ Іереміею, онъ возвѣщаетъ, что полное искупленіе и истинное спасеніе израиля наступитъ по прошествіи 70-ти седмиць, считая съ указа о возстановленіи Іерусалима. Тогда не допустится преступленіе, очистится грѣхъ и загладится беззаконіе; тогда возсіяетъ правда вѣчная, исполнится пророчество и совершится помазаніе Всесвятаго. По прошествіи 69 седмиць, въ половинѣ послѣдней седмицы, долженъ утвердиться союзъ многихъ, и прежнее жертвоприношеніе прекратится. Помазанникъ будетъ убитъ, а городъ и святилище будутъ разорены чужеземцами (Дан. 9, 24, 27). Еще Іеремія указывалъ на то время, когда Господь заключитъ съ своимъ народомъ новый союзъ, болѣе тѣсный, болѣе высокій и духовный, чѣмъ тотъ, который былъ заключенъ чрезъ

Моисея (Иер. 31, 31); но опредѣленнѣе объ этомъ говоритъ пророкъ Аггей. Богъ, ожидаемый всѣми людьми, основатель новаго завѣта, явится во второмъ храмѣ, построенномъ послѣ плѣна Зоровавелемъ и явится болѣе высокимъ образомъ, нежели въ храмѣ Соломоновомъ (Аг. 2, 7—9). Но онъ придетъ не въ земномъ величїи и славѣ, по словамъ Захарїя; Онъ — Царь и Спаситель своего народа, явится въ нищетѣ и будетъ ѣздить на ослицѣ, и однакожь Онъ будетъ царствовать до концевъ земли. Онъ добрый пастырь, который умилостивится надъ разсѣяннымъ, измученнымъ стадомъ и который для того и придетъ, чтобы пасти его. Но неблагодарные отвергнутъ Его и дадутъ за Него самую низкую цѣну, годовую плату раба, тридцать сребренниковъ. Тогда эти деньги, свидѣтельство вины Его народа, будутъ брошены въ храмъ, въ горнило; союзъ съ народомъ разрушится, и израиль, стадо, будетъ разсѣянъ. «И поставиша мѣру мою тридцать сребренникъ и рече Господь ко мнѣ: вложи я въ горнило, и смотри, аще искушено есть, имъ же образомъ — искушенъ быхъ отъ нихъ, и прїяхъ тридцать сребренникъ и вложихъ ихъ въ храмъ Господень въ горнило» (Зах. 11, 12). Малахїя предсказалъ объ ангелѣ, о посланномъ отъ Бога предтечѣ, который долженъ приготовить тому, кого ищетъ израиль. Подобно пророку Іліи, онъ явится проповѣдникомъ покаянїя и затѣмъ придетъ во храмъ Мессїи и, отвергнувъ сыновъ Аарона, изберетъ новое священство — и священники новаго завѣта будутъ приносить Богу чистую жертву, отъ востока и до запада, даже между язычниками. «Нѣсть воля моя въ васъ, глаголетъ Господь Вседержитель, и жертвы не прїиму отъ рукъ вашихъ, зане отъ востокъ солнца и до западъ имя мое прославися во языцѣхъ, и на всякомъ мѣстѣ ѳимїамъ приносится имени моему и жертва чиста: зане велие имя мое во языцѣхъ» (Малах. 1, 10, 11). Такимъ образомъ предъ народомъ израильскимъ былъ начертанъ полный образъ Мессїи, который позволилъ ему съ надеждою смотрѣть на будущее и побуждалъ его замѣчать всѣ признаки времени. Въ продолженїи нѣсколькихъ столѣтїй пророки, черта за чертою, дополняя этотъ

образъ, представили въ немъ народу вѣрное и точное зеркало будущаго. Очевидно, задачею израиля, мужа желаній народа избраннаго, было вести людей ко Христу, и это его основное религиозное назначеніе проникаетъ въ всё его учрежденія, всю его гражданскую, политическую, общественную и домашнюю жизнь; Христось съ самаго возникновенія этого народа, предсуществуетъ въ надеждахъ и ожиданіяхъ израиля; все его откровенное ученіе, всё его законы, учрежденія, его высокія личности представляютъ только постоянно болѣе и яснѣе выступающія и развивающіяся изображенія и прообразованія будущаго Искупителя. И эта, обѣщанная Богомъ, надежда была единственнымъ утѣшеніемъ и усадою во всѣхъ несчастіяхъ израиля. Патріархи умирали съ желаніемъ видѣть Его; всё праведные проводили жизнь свою въ этой вождельной надеждѣ; отцы научали дѣтей своихъ желать Его, и это желаніе было какъ бы домашнимъ вѣроисповѣданіемъ, которое передавалось изъ рода въ родъ, отъ предковъ потомкамъ. — Для чего же, спрашивается, были такія величественныя и продолжительныя приготовленія людей со стороны Бога? Для какой цѣли укрѣплялась надежда израиля на Искупителя? Чѣмъ объяснить эту особенную заботливость Бога объ израилѣ? Неужели всё эти дивныя приготовленія совершались для принятія и встрѣчи простаго человѣка? Неужели простой человѣкъ смѣетъ рассчитывать на такую честь къ себѣ со стороны Бога? Неужели нашъ здравый разумъ можетъ примириться съ такими предположеніями? Да и смѣемъ ли думать, чтобы Богъ могъ такъ дивно готовить насъ къ принятію простаго смертнаго, хотя бы даже самаго гениальнѣйшаго? Это противорѣчило бы премудрости Божіей. Богъ благоволилъ являть Себя людямъ для того только, чтобы они познали Его, и познали бы то, чѣмъ они должны Ему. Вѣра, собственно говоря, есть не что иное, какъ свѣтъ Божественный, показывающій Бога человѣку и предписывающій обязанности творенію по отношенію къ своему Творцу. Самъ ли Всевышній является на землю, людей ли необыкновенныхъ исполняетъ Духомъ Своимъ, цѣль всѣхъ Его дѣй-

ствій та, чтобы познавалось и святилось Его имя во все-ленной. Но если І. Христось, пришедшій на землю по исполненіи временъ, былъ простой человѣкъ, хотя и праведный, избранный Богомъ и посланный на землю, — то главная цѣль служенія Его состояла бы въ томъ, чтобы водворить во всемъ мірѣ грубое и не слыханное идолопоклонство, похитить у Бога славу, Ему Одному принадлежащую, и присвоить ее себѣ самому. И самыя приготовления развѣ не послужили бы поводомъ къ грубому суевѣрію? Въдъ такому человѣку, ожидаемому цѣлыя тысячелѣтія, развѣ не стали бы люди поклоняться, какъ Богу въ моментъ появленія Его на землѣ? Въ такомъ случаѣ Богъ былъ бы виновникомъ нашего идолопоклонства, въ такомъ случаѣ мы неогвѣтственны за свои поступки и мысли; такъ какъ мы введены въ заблужденіе и притомъ самимъ Богомъ. Но разумъ, сердце сильно возстають противъ такого предположенія, не допуская, чтобы Богъ, требующій Божескаго поклоненія отъ людей только одному Себѣ, содѣйствовалъ развитію въ насъ суевѣрія. Противъ такихъ богохульныхъ мыслей ратуетъ и голосъ язычества — ожиданія язычниковъ, которыя были сильно распространены между ними предъ пришествіемъ Спасителя. «Многіе были убѣждены, говоритъ Тацитъ, что, по предсказанію древнихъ священныхъ сочиненій, востокъ сдѣлается могущественнымъ и люди, вышедшіе изъ Іудей, явятся основателями новаго господства надъ міромъ». «По всему востоку, рассказываетъ Светоній, было распространено древнее и никогда неизмѣнявшееся преданіе о томъ, что люди, вышедшіе изъ Іудей, будутъ господствовать надъ міромъ». Цицеронъ замѣчаетъ, что по древнимъ предсказаніямъ явится царь, котораго надо почитать, чтобы спастись, и спрашиваетъ себя — кто будетъ этотъ царь и когда это случится? Поэтъ Виргилій изображаетъ также этотъ юный вѣкъ, предсказанный Сивиллою — когда долженъ родиться таинственный младенецъ, сынъ божества, чрезъ котораго обновится все твореніе, змій будетъ умерщвленъ, грѣхъ истребленъ и снова на всей землѣ водворится миръ. Во всѣхъ языческихъ религіяхъ, говоритъ одинъ ученый,

какъ древнемъ мірѣ, такъ и въ новѣйшее время, мы находили пророчество, начало котораго ведется отъ времени перваго праотца человѣческаго рода, пророчество о томъ, что въ концѣ длиннаго періода времени, когда зло дойдетъ до высшей степени, прекратится настоящій вѣкъ грѣха и бѣдствій и что тогда будутъ низвергнуты даже боги этого вѣка, которые тиранически властвовали надъ родомъ человѣческимъ. Въ концѣ этого періода явится могущественный, мудрый герой и царь, ведущій свой родъ отъ первой женщины, но въ то же время имѣющій небесное происхождение. Онъ придетъ для того, чтобы раздавить главу этого духа и вновь основать вѣкъ счастья и невинности, подобный первымъ временамъ міра». Этими заманчивыми ожиданіями жили всѣ народы — персы, индійцы, китайцы, египтяне, греки, и пр. При всей вычурности и искаженности, ожиданія ихъ все таки носятъ характеръ истины и возвышенности. Неужели же язычники должны оказаться болѣе просвѣщенными имѣющихъ священныя книги, въ которыхъ ясно говорится объ І. Христѣ, какъ истинномъ Богѣ? За Божеское достоинство І. Христа громко говоритъ и то обстоятельство, что на Немъ только исполнились всѣ пророчества. Въ Немъ мы видимъ всѣ свойства истиннаго Мессіи, предсказаннаго пророками. Онъ сынъ Авраама, изъ колѣна іудина, изъ рода Давида. Онъ родился въ Вифлеемѣ отъ Дѣвы, пришелъ въ міръ бѣднымъ и униженнымъ. Онъ является во второмъ храмѣ, построенномъ Зоровавелемъ, храмѣ, который, прежде своего окончательнаго разрушенія, долженъ былъ быть прославленъ присутствіемъ Мессіи, по предсказанію Аггея. Онъ пришелъ въ то время, когда во святилищѣ совершало служеніе еще Аароново священство, которое вскорѣ послѣ того и было отмѣнено вмѣстѣ съ жертвеннымъ богослуженіемъ и замѣнено новымъ священствомъ и новою жертвою, какъ предсказалъ Малахія. Онъ пришелъ послѣ того, какъ Іоаннъ Предтеча проповѣдывалъ покаяніе въ духѣ Іліи. Явленія и дѣла Его были чудесами. Онъ пострадалъ, но позоръ, скорбь и смерть, дали людямъ новую жизнь и привели Его къ славѣ.

По смерти Его происходит разрушеніе города и храма, разсѣяніе израильтянъ между всѣми народами. Между тѣмъ утверждается новый завѣтъ, новая жертва, новое священство, Мессія возвѣщается язычникамъ, которые стремятся къ Нему со всѣхъ концевъ земли и покланяются Ему. Развѣ это исполненіе пророчествъ не доказываетъ, что І. Христосъ — есть истинный Мессія, истинный Богъ, а не простой человѣкъ? Въ самомъ дѣлѣ, если Онъ не истинный Мессія, то къ кому всѣ эти пророчества приложимы? Кто изъ людей осмѣлится взять на себя такую высочайшую и единственную миссію? Кто изъ нихъ въ состояніи основать государство всемірное, которое будетъ существовать вѣчно? Гдѣ царство вавилонское, персидское и римское? Какъ произведеніе рукъ человѣческихъ, они уже давно исчезли съ лица земли, отъ нихъ почти не осталось никакихъ слѣдовъ. Кто, кромѣ Мессіи, въ состояніи очистить людей отъ грѣха, проклятія и смерти и даровать имъ миръ и счастье вѣчное? Кто можетъ примирить насъ съ Богомъ? Кто изъ смертныхъ можетъ возродить нашу природу, дать ей новыя силы, внѣдрить чистыя и святыя потребности? Вѣдь каково дерево, таковы и плоды, яблоко не далеко падаетъ отъ яблони. Грѣшный, находящійся подъ проклятіемъ Божиимъ, можетъ ли снять своею силою съ людей это тяжелое иго? Если сынъ Маріи былъ простой человѣкъ, то какую цѣну могла бы имѣть въ очахъ Божіихъ жертва крови Его? Какимъ образомъ ходатайство Его могло быть принято Богомъ, когда онъ самъ нуждается въ ходатаѣ, чтобы примириться съ Нимъ? Нѣтъ, все это невозможно для человѣка, а если І. Христосъ взялъ на Себя эту невозможную для людей миссію, и если пророчества всѣ исполнились на Немъ, то Онъ не есть простой смертный, а истинный Богъ, для котораго вся возможна. — Наконецъ, всѣ обыкновенные люди въ вѣкахъ предшествующихъ, всѣ праведные во времена загона и патріарховъ были не чѣмъ инымъ, какъ слабымъ и недостаточнымъ изображеніемъ І. Христа; каждый изъ нихъ изображалъ только какую нибудь одну черту жизни и служенія Его. Мельхиседекъ былъ прообразомъ священства Его, Авраамъ — достоинства главы и отца вѣ-

рующихъ, Исаакъ — невинной жертвы, Іовъ — страданій, Моисей — служенія Его относительно ходатайства и примиренія; Іисусъ Навинъ — торжественнаго вшествія Его въ землю живыхъ съ народомъ избраннымъ; однакожь всѣ эти великія личности были только слабымъ начертаніемъ будущаго Мессіи; слѣдовательно, если прообразы Его были славны и знамениты, то нужно, чтобы Самъ былъ весьма великъ и знаменитъ. Но отнимите отъ І. Христа Его Божество и предвѣчное рожденіе, тогда Первообразъ не будетъ заключать въ себѣ ничего особеннаго сравнительно съ своею слабою копіею. Если І. Христосъ простой человѣкъ, то болѣе ли онъ Авраама, который столь великъ, что Самъ Господь ко всѣмъ величественнымъ именамъ Своимъ благоволилъ присоединить имя Бога Авраама какъ бы для того, чтобы дать знать всей землѣ, что богопоклоненіе этого праведника прославляло высочайшую власть Его болѣе, чѣмъ имя Бога царствъ народовъ, который столь великъ, что іудеи считали себя превосходнѣйшими противъ всѣхъ народовъ потому только, что были потомками этого возлюбленнаго небомъ праотца, и отцы, рассказывая дѣтямъ чудеса о народѣ своемъ и исторію предковъ своихъ, побуждали ихъ къ добродѣтели, вспоминая имъ часто, что они чада Авраама? Чудеснѣе ли Онъ Моисей, который былъ такъ силенъ въ словѣ и дѣлѣ, что сдѣлался посредникомъ святаго завѣта, освободилъ народъ свой, уничтоживъ иго египетское, который явился повелителемъ природы, покрывъ землю язвами и раздѣливъ море, который видѣлъ Господа лицомъ къ лицу на Синаѣ и предсталъ израильтянамъ, окруженный необыкновеннымъ свѣтомъ? Что же есть въ жизни І. Христа удивительнѣе и величественнѣе всего этого? Но при всемъ томъ все это было слабымъ только начертаніемъ славы и могущества Его; а потому, если бы Спаситель не былъ одной природы съ Богомъ Отцемъ и вѣчнымъ сіяніемъ славы Его, то много было бы и того, если бы ставили Его наравнѣ съ этими великими людьми, и невѣріе іудейское могло бы основательно предложить Ему вопросъ, — болѣе ли ты отца нашего Авраама и пророковъ, которые всѣ умерли?

Въ божественномъ достоинствѣ І. Христа мы, наконецъ, убѣждаемся тѣми дивными и необыкновенными обстоятельствами, которыми сопровождалось все поприще Его земной жизни. Какъ только родился Онъ, легионы небесныхъ силъ наполнили воздухъ радостнымъ пѣніемъ и тѣмъ дали знать, что это рожденіе приноситъ вѣчный миръ на землю. Новая, необыкновенная звѣзда соединяетъ восточныхъ мудрецовъ, которые подъ руководствомъ чудеснаго свѣта приходятъ отъ концевъ земли поклониться новому Царю іудейскому. Когда Марія приноситъ Его во храмъ, праведный старецъ и святая жена возвѣщаютъ о будущемъ Его величіи, и подъ вліяніемъ святаго восторга говорятъ: «нынѣ отпускаеши раба твоего, Владыко; потому что мы увидѣли спасеніе міра, свѣтъ языковъ и славу израиля. Книжники, собравшіеся въ храмъ, смотрятъ съ величайшимъ удивленіемъ, что отрокъ Іисусъ превосходитъ въ мудрости и просвѣщеніи всѣхъ мудрыхъ старцевъ. По мѣрѣ возраста и слава Его умножается. Іоаннъ Креститель, этотъ величайшій изъ всѣхъ людей, унижается предъ Нимъ, говоря, что недостойнъ разрѣшить ремень Его сапога. Небо неоднократно разверзлось надъ Его главою и объявляло, что Сей есть Сынъ возлюбленный. Демоны ужасаются и бѣгутъ отъ Него, исповѣдая невольно, что Сей есть святой Божій; но все это было только отблескомъ славы Его. Ѳаворъ и Ермонъ возрадовались о имени Его. Когда Онъ взошелъ на Ѳаворъ, сопровождаемый тремя учениками, тогда слава Его открылась во всемъ блескѣ и величіи. Тогда надлежало бы, кажется, изъ опасенія не дать повода къ заблужденію удивленнымъ ученикамъ и свидѣтелямъ этого поразительнаго зрѣлища, чтобы небесный Отецъ возвѣстилъ имъ, что этотъ І. Христосъ, окруженный необыкновеннымъ свѣтомъ и блескомъ, есть только служитель Его, посланникъ, однакожь, вмѣсто того, Онъ объявляетъ, что Сей есть Сынъ Мой возлюбленный, въ которомъ Онъ полагаетъ все свое благоволеніе; и не только не предписываетъ границы поклоненію, но даже требуетъ, чтобы оно было воздаваемо Ему. Когда Моисей явился, окруженный славою, какъ бы преобразив-

шійся на Синаѣ, тогда Господь, чтобы израильтяне, всегда склонные къ идолопоклонству, не сочли его Богомъ, сошедшимъ на землю, объявилъ имъ въ то же самое время съ высоты небесъ, въ молніи и громѣ: Азъ есмь Господь Богъ твой, да не будутъ тебѣ бози инии развѣ Мене. Самъ Моисей явился народу, имѣя въ рукахъ скрижали закона, какъ бы для того, чтобы ему понять, что не онъ творецъ этого святаго закона, но только служитель его, и что онъ не иначе можетъ преподавать его людямъ, какъ вырѣзаннымъ на камнѣ; потому что одинъ Богъ только можетъ напечатлѣть его въ сердцахъ ихъ. Но І. Христосъ явился на Ѡаворѣ, какъ самъ законодатель. Отецъ не вручалъ Ему закона новаго для принесенія людямъ, но повелѣлъ всѣмъ слушать Его, какъ законодателя живаго и вѣчнаго. Если съ Ѡавора перенесемъ на Голгоѳу, на мѣсто величайшаго, безпримѣрнаго преступленія, совершеннаго людьми, то и тамъ увидимъ Божескую славу І. Христа. Вся, пришедшая въ трепеть, природа познаетъ въ Немъ своего Творца, свѣтила небесныя померкаютъ, камни распадаются, гробы отверзаются, мертвыя воскресаютъ, церковная завѣса раздирается, само невѣріе устами сотника, стоящаго при крестѣ, исповѣдуетъ Его; все чувствуетъ, что умираетъ на крестѣ необыкновенный человекъ, что на горѣ этой происходитъ нѣчто новое и дивное. Правда, великое множество праведныхъ и прежде Его умирало отъ нечистыхъ рукъ, — царскіе чертоги Ирода обогрены были кровію величайшаго праведника, Іоанна Крестителя, Исаія воздалъ славу Богу жестокою смертію, будучи перепилень деревяною пилою и др.; но тѣмъ не менѣе цѣлая природа не являлась участницею въ ихъ страданіяхъ; мертвые не возставали изъ своихъ гробовъ, какъ бы для того, чтобы укорять ихъ въ святотатствѣ. — Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ, кромѣ того, что собственною Своею силою, чего еще никогда не было; но воскресъ затѣмъ, чтобы ужъ не умирать, подобно тѣмъ, которые воскресли чрезъ ходатайства пророковъ. И это преимущество не дано было никому изъ смертныхъ. Когда Онъ возносился, то не колесница огненная подняла Его туда во мгновение ока; но

Онъ вознесся Самъ Собою во всемъ Своемъ величїи, давъ время любимымъ ученикамъ Своимъ воздать Ему Божескую честь. Ангелы предшествовали этому Царю славы, какъ бы для принятїя Его въ собственное царство, утѣшая скорбь учениковъ обѣщанїемъ, что Онъ опять придетъ на землю, окруженный славою. Все возвѣщало тогда Бога небеснаго, который возвращается въ то мѣсто, откуда пришелъ. Когда Илія возносился на небо на огненной колесницѣ, одинъ только ученикъ Его былъ свидѣлемъ этого событія. И самъ Илія избралъ мѣсто уединенное, скрытое отъ взоровъ прочихъ сыновъ пророческихъ; потому что они по легковѣрїю могли бы воздать ему въ эти минуты божескія почести. Но Іисусъ Христосъ вознесся на небо въ виду пятисотъ учениковъ Своихъ и не боялся легковѣрїя ихъ, но принималъ отъ нихъ Божеское поклоненїе также, какъ и слезы ихъ. Наконецъ, І. Христосъ явится опять на землю съ силою и славою великою, окруженный сонмами небесныхъ силъ; всѣ племена земныя соберутся предъ Нимъ, съ трепетомъ ожидая у подножія престола Его рѣшенїя своей вѣчной участи. Авраамъ, Моисей, Давидъ, Илія, Іоаннъ Креститель, словомъ, все, что было величественнаго и чудеснаго, все будетъ покорено Его суду и власти; Онъ одинъ только будетъ превыше всѣхъ властей и господствій и всего, что только называется великимъ на небѣ и на землѣ, — Онъ поставитъ престолъ Свой одесную Бога и явится не только Владыкою жизни и смерти, но бессмертнымъ Царемъ всѣхъ вѣковъ, Господомъ вѣчности, главою святаго народа, Властелиномъ всей твари. — Кто же этотъ человекъ, которому Богъ даровалъ такую власть и силу? Что это за личность, имѣющая рѣшить судьбу всего міра? Кто можетъ проникнуть въ мысли, желанїя, сокровенныя изгибы сердца человѣческаго? Отъ чего рожденїе І. Христа привѣтствовали небесныя силы? Отъ чего это вся природа содрогнулась при видѣ крови и позора Праведника? Кто въ состоянїи возвратитъ самъ себѣ жизнь, воскреснуть собственною силою? У кого изъ смертныхъ можетъ только явиться дерзкая мысль возсѣсть одесную

Бога? О комъ изъ смертныхъ ангелъ могъ сказать въ своемъ привѣтствіи къ Дѣвѣ Маріи, что «Онъ будетъ великъ, и наречется Сыномъ Всевышняго и дастъ Ему Господь Богъ престолъ Давида, Отца Его; и будетъ царствовать надъ домомъ Іакова во вѣки, и царству Его не будетъ конца» (Лук. 1, 32—33)? Если І. Христось простой человѣкъ, то мы должны отказаться отъ всякой вѣры въ Него и считать Его мечтателемъ, фантазеромъ, какъ взвѣсимъ на себя миссію, невозможную для смертнаго. Смотрите далѣе, Самъ Богъ неоднократно объявлялъ, что это Сынъ Мой возлюбленный, что Онъ прославилъ и прославить еще больше Его. Неужели же Самъ Богъ, Творецъ величайшій благодѣтель нашъ, премудрое и всевѣдущее Существо, можетъ вводить человѣка въ заблужденіе, называя простаго смертнаго возлюбленнымъ Своимъ Сыномъ? Отъ чего Онъ Моисея, величайшаго праведника, не удостоилъ чести сѣдѣнія одесную Себя? Отъ чего Онъ сказалъ этому праведнику, что увидишь только задняя Моя? Отъ того, что это невозможно человѣку. Нѣтъ, все говоритъ громко объ І. Христѣ, какъ истинномъ Богѣ, для котораго только все возможно, и мы должны такъ вѣровать въ Него безъ всякаго сомнѣнія и колебанія на основаніи словъ Самаго Бога. Если же мы ошибаемся въ своей вѣрѣ, то не мы виноваты, а виноваты Самъ Богъ.

(Продолженіе будетъ).

М. Грифцовъ.

наглядность обученія въ начальной школѣ.

(Окончаніе).

Наконецъ, исторія нагляднаго обученія представляетъ крайности во взглядѣ педагоговъ на его положеніе въ цѣломъ курсѣ школы. Понимаютъ наглядное обученіе въ смыслѣ

самостоятельнаго учебнаго предмета, въ качествѣ «особой специальности», имѣющей свое собственное содержаніе; выдвигаютъ его на первый планъ и ведутъ совершенно отдѣльно отъ другихъ предметовъ школьнаго курса — въ теченіи полугода (напр. Клаувель ¹), года (Клауссъ, Корфъ ²), двухъ лѣтъ (Диттесъ ³), болѣе или менѣе того времени, «пока ученики еще обучаются собственно грамотѣ», или находятся собственно въ младшемъ курсѣ (Дистервегъ, Пароцъ, Малышевскій, Зайцевъ и Екземплярскій ⁴); наконецъ, въ продолженіе всего училищнаго курса (Гразеръ, Гардеръ ⁵). При этомъ наглядное обученіе признается одними отчасти формально-образовательнымъ средствомъ для развитія внѣшнихъ чувствъ (Шотербергъ ⁶), особенно чувства зрѣнія (Столпянскій Н.; «руководство къ письму и чтенію» 1. 21), дара слова, внимательности (Шютце ⁷), мыслящихъ силъ (Краузе и Гугель ⁸), сердца и совѣсти А. V., бельгійскій педагогъ: извѣстно его сочиненіе «теоритичес. и практич. трактатъ по методологіи» ⁹), вообще тѣхъ познавательныхъ способностей и духовно-нравственныхъ «расположеній, ко-

¹) D. erste Schuljahr.

²) Руск. нач. школ. 192

³) Диттесъ, Мет. начал. обучен. 126. 127.

⁴) Revue pädagog. Paris. 1879 г. № 9. 225. 226. 227. По Дистервегу, упражненія въ наглядномъ обученіи продолжаются 1½—2 года (начатки школ. обуч. 3 изд. 65).

⁵) Руков. къ нагляд. обуч. Гардера. перевод. Корфа. VI стр. Ноггер В. вообще считаетъ это мнѣніе преобладающимъ въ средѣ германскихъ педагоговъ. Revue pädagog. ibid. 225.

⁶) См. Richt. V. Anschauqunt. 57. 98 — 99; слич. Учит. 1865 г. II т. 537. 549 стр.

⁷) Evangelisch. Sshulkund. 339.

⁸) Гугель. руководство къ умственнымъ упражненіямъ 1847 г.; 3 изд. 1861 г. IV—X.

⁹) См. Revue pädagog. 1879 № 9. 220 — 223.

торья очень важны для занятія» (Малышевскій и Зайцевъ ¹⁾); Циллеръ и его школа ²⁾; вмѣстѣ съ тѣмъ оно служить реальнымъ пропедевтическимъ курсомъ къ занятію какимъ-либо отдѣльнымъ учебнымъ предметомъ, въ частности, міровѣдѣніемъ (Гардеръ ³⁾), геометриєю, естествовѣдѣніемъ и особенно географією (Фрингеръ и Бѣловъ ⁴⁾), техникою (изученіе предметовъ искусства, домашней утвари, мебели ⁵⁾), начальною грамотою (Рихтеръ ⁶⁾), грамматикою (Перевлѣвскій П. ⁷⁾), роднымъ языкомъ въ обширномъ смыслѣ этого слова (Вурсть, Гарнишь, Краузе и другіе ⁸⁾), закономъ Божиимъ (Эгеръ свящ. ⁹⁾), Шурингъ ¹⁰⁾ или же подготовкою къ прохожденію цѣлаго курса народной школы (Грассманъ, Денцель, Дистервегъ, Диттесъ...). «Помощію нагляднаго обученія дитя готовится къ настоящему обученію», говоритъ Дистервегъ ¹¹⁾ Еще сильнѣе говорятъ

1) Руков. *ихз*, 130.

2) Risth. *ibid.* 100—102; Päd. Handbuch, I. 50.

3) Начальное обученіе, переводъ Корфа Н.

4) Руководство къ родиновѣдѣнію, Бѣлова И. 3. 4. 38—46.

5) Пароцъ. См. *Revue pédagogique*. Paris. 1879 № 9 224.

6) Risth., *ibid.* 104—110.

7) Нужно впрочемъ замѣтить, что г. Перевлѣвскій считаетъ наглядное обученіе «подготовкою къ грамматикѣ» точно также, какъ и ко всякой другой «извѣстной опредѣленной наукѣ, напримѣръ химіи, физикѣ и геометріи». См. Ж. М. Н. Пр. 1862 г. часть *CXIII*. I. отд. 244. Его «предметные уроки» имѣютъ свою «спеціальную цѣль—служить приготовленіемъ къ изученію *естественныхъ наукъ и роднаго языка*». Слич. Ж. М. Н. Пр. 1862 г. ч. *CXIV*. III. 106.

8) Risth., *ibid.* 308. Бунаковъ, школьное дѣло 123—124.

9) Schütz. 332; Richter, *Asnchagnqunter*. 75.

10) Учит. 1865 г. т. II 488.

11) Учит. 1865 г. т. II. 485 Диттесъ *Мет. начал. обуч.* 119, 120—слич. Миропольскій С., *Инспек. нар. школ.* 98.

на эту тему Денцель. Наглядное обучение, по нему, самое элементарное обучение; мѣсто его въ первомъ классѣ народной школы, и оно корень всякаго обученія — обученія естетственной исторіи, родному языку счисленію и закону Божію. Отсюда курсъ перваго класса, по Денцелю, основной — коренной курсъ по отношенію ко всѣмъ послѣдующимъ учебнымъ годамъ, и первый классъ называется имъ вступительнымъ или преддверіемъ школы (Vorschule). Здѣсь дитя только готовится къ правильному пониманію вещей, равно какъ и къ систематическому обученію вообще ¹⁾. По Диттесу, наглядное обучение «представляетъ методическую обработку всего дѣтскаго міросозерцанія» и такимъ образомъ «служить общему пропедевтикою всего обученія въ народной школѣ» ²⁾. Кнаусъ озаглавливаетъ свое руководство къ наглядному обученію: «первый учебный годъ безъ обученія чтенію и письму» ³⁾. и тѣмъ ясно показываетъ мѣсто и значеніе его въ школьномъ преподаваніи.

Мысль нагляднымъ обученіемъ, какъ особымъ предметомъ, положить основаніе для изученія всѣхъ остальныхъ предметовъ человѣческаго знанія и подготовить дѣтей «къ самообученію оригинальна и заманлива; но не состоятельность ея не менѣе очевидна. Сдѣлать дѣтей способными къ пониманію вещей и къ систематическому обученію вообще — это задѣла всей начальной школы и всего школьнаго періода, а не одного — какаго либо класса или года школьной жизни. Безспорно, наглядное обучение здѣсь имѣетъ величайшую важность, но не какъ особый главный или основной

¹⁾ Päd. Handb. I. 41. Тѣже мысли высказаны и Гарнишемъ. См. «Метод. начальн. обученія Диттеса, 123—124.

²⁾ Диттесъ, Метод. нач. обуч. 126. 129.

³⁾ Издан. 1861 г. Штутгартъ.

предметъ, а какъ особое главное средство обученія, имѣющее мѣсто на практикѣ примѣнительно къ содержанію уроковъ по извѣстнымъ *опредѣленнымъ* предметамъ и соотвѣтственно силамъ и потребностямъ учащихся. «Наглядное обученіе не система, а принципъ» ¹⁾ или одинъ изъ важнѣйшихъ способовъ преподаванія: всякое рациональное обученіе должно основываться на немъ, т. е. «всякое обученіе на первой ступени должно быть нагляднымъ обученіемъ» ²⁾. «Всякая вѣтвь знанія», говоритъ Блокъ, «имѣетъ свое собственное начало—свое собственное наглядное обученіе. Такимъ образомъ самостоятельное наглядное обученіе является беспредметнымъ» ³⁾. Покрайней мѣрѣ «теперь его миссія кончена; ему недостаетъ даже почвы въ наше время, когда стало очевидно, что всякое плодотворное обученіе должно быть нагляднымъ». Таковъ голосъ многихъ современныхъ авторитетовъ педагогики: Гольца Любена, Бормана, Отто изъ Мюльгаузена и др. ⁴⁾. Къ этому можно прибавить: и въ прежнее время не доставало возраженій противъ нагляднаго обученія, какъ осо,

¹⁾ Rehr, Der. Spraschunter. 57.

²⁾ Положение, кстати замѣтить, съ одинаковымъ правомъ поддерживаемое также и защитниками нагляднаго обученія, какъ особаго школьнаго предмета. Такъ г. Тихоміровъ Д. наряду съ «элементарнымъ общимъ курсомъ» нагляднаго обученія признаетъ тѣсную связь «нагляднаго ученія съ книжнымъ». «Книжное ученіе должно быть наглядно. Должно быть наглядно и преподаваніе каждаго школьнаго предмета», говоритъ г. Тихоміровъ. Ельницкій К. прямо отличаетъ «наглядное или предметное обученіе», какъ особый школьный курсъ, «отъ наглядности при обученіи вообще, какъ педагогическаго принципа, требующаго чтобы всѣ школьные предметы преподавались наглядно». (С. и Шк. 1876 г. II, 2 ч. 389. 379; слич. Нпрод. школ. 1872 г. № 9. 37—40).

³⁾ Schütze 338. Wegweis. II. 77—80.

⁴⁾ См. Richt., 89—96; 77—89; Schm., Encykl. I. Anschauqunt. 2 Art.

баго предмета. «Уже 200 лѣтъ раздается изъ противоположнаго лагеря этотъ кличъ: нѣтъ никакого самостоятельнаго нагляднаго обученія» ¹⁾: идея, которая ясно просвѣчивается и въ самыхъ курсахъ его, если ближе присмотрѣться къ нимъ. Въ нихъ во многихъ случаяхъ наглядное обученіе, правильнѣе сказать, идея его и терминъ служатъ *центральнымъ* или *концентрирующимъ* пунктомъ для выбора и группировки учебнаго матеріала въ извѣстномъ порядкѣ ²⁾ Поэтому-то, во избѣжаніе сбивчивости понятій, нѣкоторые изъ педагоговъ предлагаютъ даже изъять изъ школьныхъ программъ самое слово «наглядное обученіе»; по крайней мѣрѣ, называютъ это имя «ложнымъ»: «оно не соотвѣтствуетъ обозначаемому имъ понятію» ³⁾. Что въ дѣйствительности составляетъ только пріемъ преподаванія или учебное средство, накоецъ логическое основаніе для систематизаціи, то не можетъ быть признано учебнымъ предметомъ ⁴⁾.

Дѣло, конечно, не въ имени. Съ другой стороны отбрасывая ложные элементы нагляднаго обученія въ общепринятомъ смыслѣ этого слова, мы должны сохранить въ

¹⁾ Weqв. II. 77; слич. подобн. же слова Мерца въ Rad. Handb. I, 53. Въ исторіи прошлаго, хотя недалекаго, изъ жизни нашихъ русскихъ школъ встрѣчается между прочимъ книга «о неблагоразумномъ и превратн. воспитаніи дѣтей, по способу Сальцмана» (СПБ. 1831 г., II. ч. VI—VIII.), гдѣ наглядное обученіе разсматривается только какъ «созерцательный способъ», т. е. наглядный методъ преподаванія.

²⁾ Отсюда возможность построенія широкихъ системъ, называемыхъ составителями ихъ *нагляднымъ обученіемъ*, въ сущности же далеко выступающихъ за предѣлы непосредственной наглядности—очевидности.

³⁾ Pädag. Handb. *ibid.* Слич. Водовозовъ В., предм. обуч. 47.

⁴⁾ Съ указанной точки зрѣнія двойнѣ неправиленъ взглядъ г. Водовозова на свои «изустныя бесѣды». Съ помощію ихъ онъ «вводитъ дѣтей въ кругъ понятій, излагаемыхъ въ *книжкѣ для чтенія*, разъясняетъ содержаніе читаемыхъ статей, какъ то-

цѣлости истинное содержаніе его. Укажемъ его въ общихъ чертахъ примѣнительно къ курсу нашей народной школы.

Цѣль преподавательскихъ занятій въ народной школѣ, кромѣ обученія механическому чтенію, письму и элементарной ариѳметикѣ, содѣйствіе учащимся въ образованіи ихъ положительнаго взгляда на окружающій міръ, насколько онъ затрагиваетъ дѣтскіе интересы и входитъ въ кругъ жизни. Дитя должно ориентироваться, по мѣрѣ своихъ силъ въ домѣ и на дворѣ, въ деревнѣ и городѣ, въ лѣсу, и на лугу, въ полѣ и въ саду; рѣзкими чертами должны быть отмѣчены въ его сознаніи также величественнѣйшія событія изъ церковной и вообще нравственной жизни людей. Все это *новыя* сравнительно съ вышеозначеннымъ курсомъ народной школы и въ высшей степени важные предметы человѣческаго вѣдѣнія. Многіе изъ нихъ не всегда прямо (исключеніе для закона Божія) указываются въ училищныхъ программахъ (напр. не говорится о нихъ въ нашемъ *положеніи о народныхъ школахъ*); иногда они называются педагогами неопредѣленнымъ общимъ или частнымъ именемъ: «естествознаніе, отчизно-вѣдѣніе, родина, въ школѣ и дома, вокругъ да около, времена года» и проч. ¹⁾.

го требуетъ *объяснительное чтеніе*», наглядно знакомить съ предметами, упоминаемыми тамъ; такимъ образомъ «изустныя бесѣды» не имѣютъ у него самостоятельнаго значенія. Между тѣмъ онъ «входятъ у него въ программы народныхъ школъ, какъ особый предметъ»: явленіе странное: Сказывается, что г. Водовозовъ, съ одн. ст., отрицаетъ самостоятельное значеніе курса такъ называемаго *нагляднаго обученія*, а съ другой — на дѣлѣ—допускаетъ его лишь подъ новымъ именемъ. Черезъ это средство обращается имъ въ цѣль, второстепенный предметъ, служащій у него на урокъ въ уясненію глвнаго, становится самостоятельнымъ; дѣло преподаванія напрасно осложняется и запутывается.

¹⁾ Въ германскомъ школьномъ законодательствѣ (напр. въ прусскихъ министер. опредѣленіяхъ 15 окт. 1872 г.) употре-

Тѣмъ не менѣе они необходимо предполагаются въ курсѣ каждой нормальной школы и включаются сюда по требованію отчасти простой любознательности человѣческой и въ силу тѣхъ или другихъ практическихъ соображеній, также въ интересахъ оживленія и разнообразія обученія, наконецъ, во имя высшихъ педагогическихъ цѣлей воспитанія и обученія. Обыкновенно свѣдѣнія объ этихъ предметахъ излагаются въ «первой же учебной книгѣ» или «первой книгѣ для чтенія»; въ школѣ они должны быть преподаваемы дѣтямъ на ряду съ изученіемъ положительно опредѣленныхъ уставомъ учебныхъ предметовъ по тому или другому методу, съ помощію извѣстныхъ цѣле-сообразно избранныхъ для того учебныхъ средствъ, слѣдовательно, на элементарной ступени они должны быть преподаваемы *наглядно*. Эти-то свѣдѣнія вмѣстѣ съ достигаемыми чрезъ усвоеніе ихъ результатами формальнаго развитія духовныхъ способностей учащихся (наблюдательности, способности представленія, пониманія и дара слова) многіе изъ педагоговъ выдѣляли и выдѣляютъ въ особый курсъ такъ называемаго нагляднаго обученія и отстаиваютъ право послѣдняго на самостоятельное существованіе его въ народной школѣ. Въ этомъ состоитъ истинный моментъ нагляднаго обученія. Но въ цѣломъ, примѣнительно къ *указанному содержанию его*, наглядное обученіе, очевидно, не что иное, какъ только рациональный элементарный способъ передачи дѣтямъ свѣдѣній о разныхъ предметахъ изъ книги для чтенія, равно

бителенъ слѣдующій терминъ для точнѣйшаго обозначенія ихъ *Realien*, т. е. *реальныя свѣдѣнія*. Этимъ именемъ разсматриваемая группа знаній отличается, съ одной стороны, отъ лингвистическихъ свѣдѣній, куда относятся *чтеніе* и *письмо*, а съ другой стороны, отъ чистыхъ и прикладныхъ математическихъ знаній (арифметика, исторія, механика). См. Buisson, *Dictionnaire de pédagog.*: Chsoses. 383 Paris.

какъ и по спеціальнымъ предметамъ начальнаго бурса школы (начальная грамота, грамматика, ариѳметика). Когда дѣти еще не умѣютъ читать, то по необходимости приходится всегда вести съ ними такого рода уроки отдѣльно отъ книги для чтенія ¹⁾. Не безъ основанія поэтому можно назвать ихъ «изустными бесѣдами», еще лучше—«предметными бесѣдами» ²⁾, или «предметными уроками» (въ смыслѣ обученія *по* предметамъ ³⁾), но отнюдь не особымъ учебнымъ предметомъ. Отсюда чрезвычайно разнообразное примѣненіе ихъ въ школьной практикѣ, — при обученіи всякому предмету, на каждомъ урокѣ, если то потребуется, и даже въ послѣурочное время. Вотъ почему въ общемъ расписаніи классныхъ занятій нельзя назначать особыхъ часовъ для нагляднаго обученія; точно также нельзя требовать отъ учителя того, чтобы онъ, начавши наглядное обученіе, оканчивалъ его въ извѣстное время: употребленіе преподавателемъ тѣхъ или другихъ учебныхъ *приемовъ* и *средствъ* не подлежитъ такому опредѣленію. Наглядное обученіе, пишетъ французскій педагогъ, «одинаково умѣстно на урокѣ письма или чтенія, при диктовкѣ, на урокѣ исторіи, географіи, грамматики и пр.; оно можетъ продолжаться двадцать минутъ, можетъ продолжаться иногда, даже съ большею пользою для учащихся только двѣ минуты вмѣсто двадцати; иной разъ оно можетъ состоять

¹⁾ Ушинскій К. рекомендуетъ такъ вести дѣло до тѣхъ поръ, «пока дѣти не начнутъ читать порядочно и безъ большаго труда» (Рук. къ род. сл. I, 30).

²⁾ Солонина П., Записки по метод. руск. яз. II, 73.

³⁾ См. напрасныя пререканія изъ-за этихъ терминовъ въ замѣткѣ Ю. Р. въ Ж. М. Н. Пр. 1862 г. CXIV ч. III. 103.. Buisson въ своей рѣчи отмѣчаетъ употребленіе этого термина въ средѣ американскихъ педагоговъ (Revue pédagog. 1878 г. 2 Sémestr. 462), что впрочемъ вовсе не означаетъ того факта,

изъ одного лишь вопроса—живаго, точнаго, опредѣленнаго, вызывающаго у ученика такой же отвѣтъ; въ другой разъ оно будетъ состоять изъ простаго черченія на классной доскѣ, черченіе въ извѣстныхъ случаяхъ оказывается полезнѣе любого словеснаго описанія. Въ иные дни предметный урокъ можетъ быть посѣщеніемъ школьнаго музея, промышленнаго заведенія, осмотромъ историческаго памятника, или топографическою экскурсіею, прогулкою въ лѣсу, ловлею насѣкомыхъ, собираніемъ растений. Есть множество упражненій, которыя могутъ быть ведены въ самомъ классѣ, безъ книгъ, въ духѣ нагляднаго обученія: дѣтямъ велятъ, на примѣръ, въ назначенный день принести листочки двухъ деревьевъ, которыя никогда, можетъ быть, не приходило имъ въ голову сравнить, съ груши и яблони, сосны и ели, или нѣсколько экземпляровъ разныхъ камешковъ, минераловъ, бусочковъ дерева, образцовъ какихъ-нибудь мануфактурныхъ, произведеній» и такъ далѣе ¹⁾: весьма обширенъ матеріалъ для нагляднаго обученія, которымъ (матеріаломъ) и нужно пользоваться, при раскрытіи дѣтямъ опредѣленнаго учебнаго предмета или при сообщеніи имъ опредѣленныхъ элементовъ науки, примѣнительно *къ содержанію уроковъ по тѣмъ предметамъ* и соотвѣтственно *потребностямъ учащихся*, а не въ интересахъ какой-нибудь системы собственно нагляднаго обученія, какъ *особаго* учебнаго предмета.

П. Чудецкій.

будто американцы наши учителя въ области нагляднаго обученія» L' Abeille. Revue pédagog. 1876 г. 9 livraisons. 420).

¹⁾ Buisson въ Revue pédagog. 462.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Отъ Кишиневскаго Комитета Православнаго Миссіонерскаго Общества.

11 мая сего 1883 года, въ среду, въ день памяти Свв. Кирилла и Меодія, въ Крестовой церкви Архіерейскаго дома, въ 11 часовъ дня, будетъ совершено Его Преосвященствомъ, Преосвященнѣйшимъ Августиномъ, Епископомъ Аккерманскимъ, молебствіе, о чемъ Кишиневскій Комитетъ Православнаго Миссіонерскаго Общества честь имѣеть извѣстить Гг. Членовъ помянутаго Общества.

Содержаніе.

Оффиціальная часть. 1) Определеніе Святѣйшаго Синода.

Часть неоффиціальная. 1) Слово въ великій пятокъ. 2) Къ жизнеописанію старца Паисія Величковскаго. 3) О Божествѣ Иисуса Христа. 4) Наглядность обученія въ народной школѣ.

Кишиневскія Епархіальныя Вѣдомости выходятъ два раза въ мѣсяць — 1 и 15 чиселъ.

Цѣна годовому изданію съ пересылкою и доставкою на домъ 6 рублей.

Подписка принимается въ редакціи Епархіальныхъ Вѣдомостей при духовной семинаріи и у мѣстныхъ благочинныхъ.

Редакторы { Протоіерей Х. Бочковскій.
П. Чудецкій.

Дозволено цензурою. Кишиневъ, 30 апрѣля 1883 г. Цензоръ протоіерей Василій Пархомовичъ.

Печатано въ типографіи Губернскаго Правленія.